247/515

247/515

Знаменский, П.

РѢЧЬ

НА 6 АПРѢЛЯ 1885 Г., ДЕНЬ ТЫСЯЩЕЛѢТНЕЙ ПАМЯТИ

СВЯТИТЕЛЯ МЕѲОДІЯ СЛАВЯНСКАГО [1].

Въ день, посвященный тысячелѣтней памяти великаго славянскаго первоучителя святителя Меѳодія, рѣчь моя будетъ именно о первоучительскихъ заслугахъ его и вмѣстѣ его великаго брата препод. Кирилла, съ которымъ онъ долгое время подвизался нераздѣльно.... Но я долженъ предупредить, что, вслѣдствіе обширности и многосложности этого предмета, не умѣщающагося въ рамкахъ обыкновенной публичной рѣчи, я намѣренъ коснуться его только легкимъ очеркомъ, опуская всѣ фактическія подробности,— думаю впрочемъ, достаточно всѣмъ извѣстныя,—и заботясь главнымъ образомъ только объ общемъ историческомъ его освѣщеніи съ наиболѣе, по моему мнѣнію, важныхъ его сторонъ.

Св. Меѳодій и преп. Кириллъ—въ мірѣ Константинъ—были дѣтьми богатаго и высокопоставленнаго сановника Солунской области Византійской имперіи, по нѣкоторымъ преданіямъ родомъ славянина,—Меѳодій старшимъ изъ 7 сыновей, Константинъ или Кириллъ, какъ его больше привыкли называть,— младшимъ (род. 827 г.). Первый сначала служилъ въ военной службѣ, потомъ держалъ гдѣ-то въ Македоніи „княженіе словенско“, наконецъ постригся въ мо-

[1] Произнесена въ публичномъ собраніи въ залѣ Казанской Духовной Академіи.

Государ. публичная Историческая библиотека РСФСР № 34773 1963

Н. Э. отд. отт.

нахи и сталъ подвизаться на горѣ Олимпѣ. Кириллъ, еще съ дѣтства возлюбившій премудрость, пошелъ по другой дорогѣ въ жизни,—отказавшись отъ всякой мірской службы, предался наукѣ. Благодаря сильнымъ придворнымъ связямъ своего семейства, онъ еще съ 15 лѣтъ попалъ ко двору малолѣтняго императора Михаила III и получилъ здѣсь самое блестящее греческое образованіе въ средѣ лучшихъ тогдашнихъ ученыхъ, въ томъ числѣ знаменитаго послѣ патріарха Фотія, съ которымъ соединился узами искренней дружбы. По окончаніи ученія, отказавшись отъ всѣхъ предлагаемыхъ ему должностей, онъ пріютился при библіотекѣ св. Софіи и согласился принять на себя только санъ священства безъ вступленія въ бракъ.

Славянскія преданія представляютъ его какимъ-то идеаломъ высокой мудрости, постоянно соединяя съ именемъ его названіе философа; съ чудесной быстротой онъ изучаетъ нѣсколько разнородныхъ языковъ; его остроумной находчивости въ диспутахъ не могутъ противустоять самые „лукавые и заскопивые мужи“ разныхъ національностей и вѣръ; онъ умѣлъ „въ малыхъ словесѣхъ великій умъ сказать“, особенно былъ силенъ притчами,—этимъ образнымъ и конкретнымъ выраженіемъ мыслей, которое такъ понятно и убѣдительно для народныхъ массъ и потому такъ цѣнно въ народномъ учителѣ. Въ славянской письменности имя Кирилла было любимымъ псевдонимомъ для надписанія разныхъ статей, изреченій, притчей, въ которыхъ старинные книжники видѣли что нибудь особенно мудрое. Между старинными молитвословіями сохранилась одна любопытная молитва о приступающемъ къ ученію отрочати, въ которой имя Кирилла ставится на ряду съ именами Давида и Соломона: „Дай же ему, Господи, отъ Давидова разума, отъ Соломони премудрости и отъ Кирилловы хитрости“. Лѣтъ двадцати онъ, по вызову правительства, поражаетъ въ диспутѣ стараго ученаго иконоборца экспатріарха Іаннія. Въ 851 г., 24-хъ лѣтъ, по другому

порученію, ѣдетъ въ Азію для международнаго религіознаго диспута съ срацинскими мудрецами и одерживаетъ надъ ними блестящую побѣду. Въ 858 г. послѣ продолжительнаго пребыванія въ монастырѣ у брата, какъ опытный миссіонеръ, онъ посылается для проповѣди на югъ Россіи къ хазарамъ, на этотъ разъ уже вмѣстѣ съ братомъ Меѳодіемъ.

Св. Меѳодій, одаренный дарами природы не менѣе брата, не получилъ такого высокаго научнаго образованія, какъ Кириллъ, но превосходилъ послѣдняго знаніемъ жизни, людскихъ характеровъ и отношеній и умѣньемъ пользоваться этимъ знаніемъ. Молодость свою онъ провелъ на службѣ и только въ монастырѣ сталъ заботиться о восполненіи своихъ знаній, „прилежа книгамъ"; но онъ обладалъ даромъ краснорѣчія, умѣлъ, по описанію его житія, говорить и съ обаятельною ласковостію и съ яростію обличенія и былъ дорогимъ пособникомъ для брата. Въ исторіи первоучителей Кириллъ представляется во всемъ начинателемъ, передовымъ вождемъ, человѣкомъ идей, за которымъ болѣе опытный въ жизни, но высокій смиреніемъ братъ его слѣдуетъ уже, какъ выполнитель этихъ идей, самъ проникнутый благоговѣніемъ къ его геніальному уму, „служа, по выраженію житія, яко рабъ, меншю брату, повинуяся ему".

Вскорѣ по возвращеніи отъ хазаръ въ 862 г. оба они посылаются наконецъ въ Моравію, которая послѣ этого и дѣлается главнымъ поприщемъ ихъ славянскаго первоучительства,—ихъ славянскихъ переводовъ, основанія славянской письменности и національной славянской церкви.... Считаемъ нужнымъ остановиться здѣсь для нѣкоторыхъ историческихъ разъясненій.

Объ изобрѣтеніи ими славянской азбуки говорить много не будемъ. Мы теперь не можемъ уже стоять на точкѣ зрѣнія какого нибудь черноризца Храбра и другихъ старинныхъ книжниковъ, которые видѣли въ этомъ изобрѣтеніи необычайное чудо. Азбука эта въ

основѣ была не новая, а таже греческая, которою славяне, имѣвшіе сношенія съ греками, пользовались по сказанію того же черноризца Храбра и прежде, какъ славяне, имѣвшіе сношенія съ латинскимъ западомъ, пользовались азбукой латинской; св. братья только дополнили ее 14 буквами для выраженія особыхъ славянскихъ звуковъ, составленными или изъ греческихъ же буквъ чрезъ нѣкоторое видоизмѣненіе ихъ, или изъ буквъ еврейскихъ (ъ ѵ=ц, ч, ъ=ш, щ и пожалуй ж изъ двойнаго). Поэтому ихъ славянское письмо есть не что иное, какъ греческая транскрипція славянской рѣчи, во всемъ подобная наприм. такой же знакомой намъ русской транскрипціи, какую употребляетъ теперь наша казанская переводческая комиссія для своихъ инородческихъ переводовъ. Она конечно имѣла не маловажное практическое значеніе, потому что тянула пользовавшихся ею славянъ къ Греціи, какъ латинская транскрипція тянула западныхъ славянъ къ Риму, и проводила между тѣми и другими весьма рѣзкую грань, почти такую же, какую мы видимъ наприм. здѣсь у себя между крещеными татарами, пользующимися русской азбукой, и такими же татарами, пользующимися спеціально-мухаммеданскимъ арабскимъ алфавитомъ. Но самая сущность первоучительскихъ заслугъ свв. Кирилла и Меѳодія заключается все-таки не въ изобрѣтеніи ими азбуки, а въ самой мысли дать славянамъ богослуженіе на ихъ родномъ языкѣ славянскомъ, мысли великой и въ свое время дѣйствительно необычайной при всей повидимому ея простотѣ;—это такая заслуга св. первоучителей, предъ которою и изобрѣтеніе славянской граматы и самые переводы ихъ являются заслугами уже второстепенными, менѣе важными.

Высказавъ такое положеніе, я долженъ замѣтить, что обычно-принятыя у насъ объясненія этого дѣла направляются, по моему мнѣнію, къ явному умаленію чести свв. Кирилла и Меѳодія. Обыкновенно принято думать, что, вводя у славянъ національное богослуженіе, первоучители поступали въ этомъ случаѣ только

сообразно всегдашнему обычаю греческой церкви, которая вмѣстѣ съ христіанствомъ всегда будто бы давала обращеннымъ ею народамъ и національное богослуженіе, что моравскіе князья потому и обратились за учителями вѣры къ грекамъ, что хорошо знали такой обычай греческой церкви, слышали даже и о самомъ приложеніи его къ дѣлу въ Болгаріи, гдѣ свв. Кириллъ и Меѳодій будто бы проповѣдовали еще раньше Моравіи и гдѣ будто бы славянская служба была уже довольно распространена. Нѣкоторые наши изслѣдователи (г. Иловайскій въ Разысканіяхъ о началѣ Руси и отчасти Срезневскій) пошли въ развитіи такого объясненія еще дальше: принимая во вниманіе указанный обычай греческой церкви и возводя поэтому начало славянскаго богослуженія и письменности ко временамъ еще самаго перваго появленія христіанства у разныхъ славянскихъ племенъ, оставили за нашими первоучителями заслугу только позднѣйшихъ заурядныхъ переводчиковъ греческихъ книгъ на славянскій языкъ, какихъ довольно встрѣчаемъ въ старину вездѣ, хоть наприм. у насъ въ Россіи. Г. Иловайскій вчастности ведетъ начало славянской граматы и богослуженія съ VI—VII в. отъ крымскихъ или черноморскихъ болгаръ, жившихъ вмѣстѣ съ Русью, такъ какъ въ это время, еще задолго до Кирилла и Меѳодія, они имѣли въ своей средѣ уже множество христіанъ, а слѣдовательно необходимо будто бы должны были имѣть у себя и свою азбуку и нужные для богослуженія переводы на свой языкъ. Св. Кириллъ, по его мнѣнію, не самъ изобрѣлъ свою азбуку, а заимствовалъ ее уже готовую именно у этихъ болгаръ на югѣ Россіи, и вся заслуга его только въ томъ, что онъ приложилъ эту азбуку къ дѣлу и распространилъ между другими славянами во время своего славянскаго служенія. Фактическое подтвержденіе такой догадки (надобно сказать—единственное) онъ находитъ въ очень темномъ извѣстіи паннонскаго житія Кирилла, гдѣ говорится, что св. Кириллъ во время своего ха-

зарскаго путешествія встрѣтилъ въ Корсунѣ человѣка, имѣвшаго написанные „рушкими письмены“ Евангеліе и Апостолъ, и изучалъ ихъ, примѣняя ихъ къ своей рѣчи. Мѣсто это у другихъ изслѣдователей объясняется различно, или какъ позднѣйшая русская вставка въ житіе, или какъ легендарная передача преданія объ очень возможныхъ бесѣдахъ св. Кирилла съ встрѣтившимися ему въ Корсунѣ русскими и о томъ, какъ онъ старался при этомъ приспособлять къ ихъ славянскому нарѣчію свой собственный переводъ Евангелія и Апостола, или наконецъ какъ указаніе на извѣстный готѳскій переводъ Новаго Завѣта епископа IV в. Ульфилы, названный здѣсь русскимъ по смѣшенію готѳовъ, жившихъ на южномъ берегу Крыма, съ русскими варягами,—въ XI в. латиняне называли же кириллицу готѳскими письменами. До новыхъ открытій намъ представляется гораздо удобнѣе принять пока которое нибудь изъ этихъ наличныхъ объясненій, чѣмъ выдумывать для Крыма подъ именемъ русскаго какой-то новый переводъ Новаго завѣта, болгарскій, слѣдовъ котораго не видимъ потомъ ни въ Крыму, ни въ балканской Болгаріи. Да кромѣ того слѣдуетъ еще спросить: держалась ли указаннаго обычая относительно новообращенныхъ народовъ сама Греція описываемаго времени?

Христіанская церковь первыхъ вѣковъ молилась дѣйствительно на всѣхъ языкахъ безъ различія и съ этой стороны была вполнѣ церковію вселенскою, церковію всѣхъ языковъ и народовъ. Но потомъ, по мѣрѣ скрѣпленія связей ея съ греческою и римскою имперіями, изъ нея постепенно выдѣлились, въ качествѣ частныхъ, національно-государственныхъ церквей, церкви греческая и римская, къ богослужебной практикѣ которыхъ все болѣе и болѣе стали примѣшиваться иныя понятія, основанныя на тенденціяхъ политическихъ, національныхъ, мѣстно-іерархическихъ и др., не имѣвшихъ уже ничего общаго съ чистой идеей вселенской церкви. Гордые своимъ мнимо-всемірнымъ владычествомъ, члены

той и другой имперіи все болѣе и болѣе укрѣплялись въ томъ убѣжденіи, что въ мірѣ только и есть настоящихъ владыкъ, что ихъ два императора, только и можетъ быть одна цивилизація—греко-римская, только и есть языковъ, на которыхъ можно богословствовать и молиться Богу, что греческій и латинскій, да развѣ еще древній священный языкъ еврейскій. Чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ эта національная исключительность ихъ становилась крѣпче и новымъ народамъ дѣлалось все труднѣе и труднѣе получать согласіе на свое національное богослуженіе, отъ грековъ или отъ римлянъ они крестились—все равно. Въ XII в. александрійскій патріархъ Маркъ спрашивалъ извѣстнаго канониста антіохійскаго патріарха Вальсамона: „Безопасно ли дозволять богослуженіе на своихъ языкахъ сирійцамъ, армянамъ и др., или нужно принуждать ихъ къ службѣ на языкѣ греческомъ?“ Отвѣчено: можно дозволять; но любопытенъ самый вопросъ, и притомъ о языкахъ, уже давнымъ давно употреблявшихся въ богослуженіи. Еще естественнѣе, разумѣется, возникалъ онъ о языкахъ вновь обращенныхъ варваровъ.

О существованіи славянскаго богослуженія у славянъ греческихъ и болгарскихъ мы не имѣемъ никакихъ извѣстій за все время жизни Кирилла и Меѳодія, даже послѣ 870 г., когда Болгарія получила отъ грековъ архіепископа и церковную самостоятельность; а между тѣмъ во все это время, по поводу извѣстнаго спора о болгарской церкви между константинопольскимъ и римскимъ патріархами, о послѣдней такъ много говорили, что кто нибудь изъ современниковъ непремѣнно бы долженъ былъ, хоть словомъ, обмолвиться о такой ея особенности. Въ бытность свою въ Римѣ св. Кириллъ, перечисляя въ спорѣ съ треязычниками разные народы, пользовавшіеся тогда національнымъ богослуженіемъ, и причисляя къ нимъ даже нѣсколько лишнихъ народовъ, авазговъ, сугдовъ, турокъ, аваръ и хазаръ, вовсе не упоминаетъ о своихъ соотте-

чественникахъ, славянахъ балканскихъ. По свидѣтельству житія св. Меѳодія греки въ первый разъ поинтересовались славянскимъ богослуженіемъ лишь не задолго до кончины Меѳодія, когда этотъ пріѣзжалъ въ Константинополь при имп. Василіѣ Македонянинѣ, родомъ славянинѣ: императоръ и патріархъ взяли у него тогда двоихъ учениковъ, попа и дьякона, вмѣстѣ съ славянскими книгами,—для чего, не сказано. Потомъ вскорѣ по кончинѣ Меѳодія славянское богослуженіе было принесено въ Болгарію изгнанными изъ Моравіи его учениками, и только послѣ этого оно въ первый разъ стало дѣйствительно распространяться между балканскими славянами, и то лишь въ одномъ Болгарскомъ княжествѣ, а не между славянами греческими. Въ житіи одного изъ этихъ учениковъ первоучителей—св. Климента бѣлицкаго или болгарскаго, который особенно много потрудился для національнаго просвѣщенія Болгаріи, прямо говорится, что онъ былъ первымъ въ Болгаріи епископомъ языка болгарскаго, а въ сказаніи Ѳеофилакта болгарскаго о тиверіупольскихъ мученикахъ находимъ извѣстіе, что при перенесеніи ихъ мощей изъ Тиверіуполя въ Брегальницу (въ Македоніи) здѣсь между прочимъ впервые установлено было славянское богослуженіе. Не отсюда ли оно и начало распространяться по Болгаріи? И не отъ того ли эта Брегальница играетъ такую важную роль въ болгарскихъ сказаніяхъ о первоучителяхъ? Но долго и послѣ этого славянскій языкъ въ Болгаріи все еще долженъ былъ уступать первенствующее мѣсто греческому. Такъ еще въ началѣ X в. Константинъ епископъ болгарскій въ своемъ Прогласѣ къ славянскому переводу Четвероевангелія говорилъ, что славяне слушали слово Божіе все еще „туждіимъ языкомъ, яко мѣдна звона гласъ, умъ имуще неразуменъ“, и только теперь наконецъ узрѣли свѣтъ просвѣщающій. Можно думать, что, не будь тогда Болгарія страной независимой и сильной, ея національности угрожала бы такая же опасность отъ грече-

скаго вліянія, какъ національности славянъ Эллады. Послѣ въ XI в., когда она должна была подчиниться грекамъ, послѣдніе не замедлили позаботиться о введеніи въ нее какъ своей греческой іерархіи, такъ и своего греческаго богослуженія вмѣсто народнаго славянскаго.

Въ ближайшихъ ко времени первоучителей памятникахъ литературы мы встрѣчаемъ даже ясные слѣды полемики о законности славянскаго богослуженія, которые хорошо показываютъ, какъ не хотѣлось грекамъ поступиться для славянъ своимъ языкомъ. Слѣды эти замѣтны и въ паннонскихъ житіяхъ солунскихъ братьевъ; но ихъ можно еще, кому это желательно, объяснять здѣсь борьбою славянскаго языка не съ греческимъ, а латинскимъ. Авторъ другаго древняго памятника — Житія св. Климента болгарскаго, одинъ изъ благосклоннѣйшихъ къ славянамъ грековъ, ограждая дѣло первоучителей отъ разныхъ сомнѣній касательно его законности, имѣлъ въ виду уже вовсе не латинянъ, а грековъ; защита его въ греческомъ же вкусѣ, — онъ даетъ знать, что учители славянъ были просто вынуждены къ своей переводческой дѣятельности скотоподобною тупостію славянъ, бывшихъ не въ состояніи усвоить себѣ прекрасной эллинской рѣчи. Другой защитникъ тогоже славянскаго дѣла и вчастности изобрѣтенія славянской азбуки, черноризецъ Храбръ X в., опровергая хулы противниковъ этой азбуки, ясно показываетъ, кого онъ имѣетъ въ виду, сравнивая славянскую азбуку не съ латинскою, а именно съ греческою и доказывая, что 1) однихъ греческихъ буквъ не достаточно для выраженія всѣхъ славянскихъ звуковъ и 2) что славянскія письмена даже честнѣе и святѣе греческихъ, потому что ихъ изобрѣлъ мужъ святой, а греческія письмена изобрѣли поганые язычники.

Говорю все это не для того, чтобы унизить грековъ или даже латинянъ этого далекаго отъ насъ времени, когда греческая и латинская церковь пре-

бывали еще между собою въ единствѣ, а для того, чтобы выставить въ настоящемъ свѣтѣ, безъ всякаго умаленія, самую главную сторону заслугъ свв. Кирилла и Меѳодія, на которую очень мало обращаютъ вниманія. Имъ самимъ, а не кому другому принадлежитъ самая мысль дать славянамъ вѣру и богослуженіе на національномъ славянскомъ языкѣ, мысль великая, до полнаго пониманія которой не могутъ возвыситься ни греки, ни латины даже нашего времени, едва ли возвысились вполнѣ даже и мы, славяне, обязанные ей началомъ всей нашей христіанской цивилизаціи. Мы всѣ конечно согласны въ томъ, что возносить сердечную молитву къ Богу человѣку можно не иначе, какъ только на природномъ своемъ языкѣ,—это психологическая аксіома,—но всѣ ли и теперь еще могутъ примириться со всѣми, необходимо вытекающими изъ нея теоретическими и практическими выводами, наприм. хоть бы съ обратнымъ заключеніемъ, что богослуженіе на чужомъ языкѣ есть не что иное, какъ религіозно-психологическій абсурдъ? или съ дальнѣйшими частными выводами, что наприм. славянское богослуженіе для крещенаго чуваша, ротяка, татарина есть такой же мѣдна звона гласъ, какъ для славянина латинская месса, и что дать нашимъ инородцамъ вполнѣ народное богослуженіе есть нашъ священный долгъ, неисполненіе котораго навлечетъ на насъ такой же укоръ, какой падаетъ на древнихъ противниковъ свв. Кирилла и Меѳодія?...

Св. солунскіе братья не были похожи на заурядныхъ крестителей варваровъ какъ греческой, такъ и латинской церкви своего времени. Они желали передать этимъ варварамъ христіанскую вѣру, какъ силу духовно-образовательную, возраждающую, на родномъ языкѣ, даже въ родномъ письмени, желали дать имъ не только разумное слышаніе слова Божія, но и чтеніе, такъ сказать—осязаніе его животворныхъ истинъ въ строкахъ славянской книги. Не можемъ лишить себя удовольствія указать здѣсь къ сло-

ву, что дѣятели христіанскаго просвѣщенія инородцевъ нашего края работаютъ на нашихъ глазахъ въ томъ же самомъ, вѣчно живомъ и вѣчно современномъ направленіи, примѣръ котораго указанъ нашими первоучителями вотъ уже 10 вѣковъ тому назадъ. Они имѣютъ сугубое право торжествовать настоящій праздникъ, и какъ православные славяне, и какъ вѣрные блюстители миссіонерскаго преданія св. отцевъ нашихъ—Кирилла и Меѳодія....

Я сейчасъ говорилъ, что между греческими славянами и въ Болгаріи славянское богослуженіе еще не было введено при жизни самихъ первоучителей. Но это, по моему мнѣнію, вовсе не уничтожаетъ достовѣрности нѣкоторыхъ извѣстій о томъ, что первое приложеніе своихъ просвѣтительныхъ идей они пробовали сдѣлать еще до выступленія своего въ Моравію, именно между балканскими славянами. По мнѣнію компетентныхъ славистовъ (см. Гильфердинга въ К.-Меѳод. сборн. 175), кириллица соотвѣтствуетъ звукамъ именно южно-славянской и вчастности болгарской рѣчи; на томъ же нарѣчіи сохранились и древнѣйшіе славянскіе переводы свящ. книгъ. Даже паннонское житіе св. Кирилла, начинающее изображеніе его дѣятельности въ пользу славянъ только съ моравскаго его учительства, даетъ знать, что составленіе имъ азбуки и начало его переводовъ имѣло мѣсто еще до поѣздки его въ Моравію, что передъ отъѣздомъ братья показывали императору свои уже готовыя работы по этой части, что они даже имѣли у себя „иныхъ споспѣшниковъ“, въ житіи Меѳодія прибавлено: „иже бяху того же духа, яко же и си“, т. е. что у нихъ были уже ученики, съ которыми они потомъ и поѣхали въ Моравію. Да трудно и представить, чтобы св. братья принялись за дѣло, изобрѣли азбуку и перевели хоть часть Евангелія только послѣ полученія приглашенія въ Моравію, среди самыхъ, такъ сказать, сборовъ въ дальнюю дорогу. Трудно и представить, чтобы такой ревностный и опытный

миссіонеръ, какъ св. Кириллъ, побывавшій съ проповѣдью и въ Азіи, и у хазаръ, не обращалъ доселѣ никакого вниманія на своихъ балканскихъ славянъ, между которыми родился и языкомъ которыхъ владѣлъ въ совершенствѣ. Его самоотверженная преданность славянскому дѣлу показываетъ, что служеніе этому дѣлу не было, какъ выражается Гильфердингъ, только случайнымъ и краткимъ эпизодомъ его жизни, а было результатомъ идеи, зрѣвшей у него съ молодыхъ лѣтъ и владѣвшей всею его душею, было, что называется, дѣломъ его жизни.

Въ независимой отъ Греціи Болгаріи солунскіе братья, кажется, вовсе не проповѣдовали, хотя сказанія о ихъ дѣятельности и говорятъ объ этомъ весьма настойчиво; князь ея Борисъ до 858 г. былъ въ войнѣ съ греками, а въ этомъ году солунскіе братья отправились къ хазарамъ; они могли быть въ Болгаріи только въ 861 г., но крещеніе Бориса относится уже къ 864 или даже 865 году, когда они были уже въ Моравіи; самое же народонаселеніе Болгаріи состояло большею частію изъ язычниковъ до самаго крещенія Бориса и при введеніи послѣднимъ христіанства въ своемъ княжествѣ подняло даже опасный бунтъ противъ князя.— Но съ болгарами и др. славянами въ самой имперіи оба они, особенно св. Меѳодій, могли издавна имѣть очень частыя и близкія сношенія, во время которыхъ, обучая ихъ вѣрѣ, могли постепенно обработывать для нихъ и свою греко-славянскую азбуку и кое-что переводить на ихъ языкъ изъ свящ. книгъ. Слово черноризца Храбра, заставшаго еще очевидцевъ Кирилла и Меѳодія, указываетъ на самый годъ изобрѣтенія кириллицы, именно 855, падающій на время между двумя миссіонерскими поѣздками св. Кирилла въ Азію и къ хазарамъ, когда, кончивъ первую, онъ долгое время жилъ въ монастырѣ съ братомъ, предаваясь молитвамъ и книжнымъ занятіямъ. Не въ это ли время они и соединились между собой въ единой великой мысли сдѣлаться

для славянъ вѣстниками благодати Божіей? Не тогда ли же стали приготовлять и главныя орудія для своей священной миссіи,—славянскіе переводы въ новоизобрѣтенномъ славянскомъ письмени?

Согласно съ нѣкоторыми изслѣдователями дѣятельности первоучителей (Гильфердингомъ), на послѣдовавшую затѣмъ поѣздку ихъ къ хазарамъ мы можемъ смотрѣть, какъ на продолженіе ихъ прежней славянской миссіи въ предѣлахъ греческой имперіи. У хазарскаго хана они пробыли недолго. Большая часть времени прошла у нихъ въ путешествіи, особенно въ Крыму, гдѣ они долго останавливались въ Корсунѣ—этомъ бойкомъ рынкѣ разныхъ окрестныхъ народовъ, въ томъ числѣ и славянъ; какъ въ Крыму, такъ и по всей дорогѣ къ ханской ставкѣ и обратно они проповѣдовали Евангеліе большею частію вѣроятно славянамъ же, которые во множествѣ жили по Азовскому морю и въ Тьмутаракани. Въ самой Хазаріи они тоже должны были часто встрѣчаться съ славянами, дававшими тогда дань хазарамъ; да и диспуты свои съ хазарскими мудрецами всего удобнѣе могли вести или прямо на славянскомъ языкѣ или чрезъ славянскихъ переводчиковъ, знавшихъ языкъ хазарскій. Не даромъ предъ отправленіемъ въ Хазарію Кириллъ взялъ себѣ помощникомъ брата, „зане, какъ сказано въ древнемъ Прологѣ, умѣяше языкъ словенескъ". Житіе Кирилла говоритъ между прочимъ, что съ братьями было въ пути св. Евангеліе,—не въ славянскомъ ли уже переводѣ? Такимъ образомъ извѣстія объ ихъ хазарскомъ путешествіи должны быть особенно для насъ дороги, какъ извѣстія о личной дѣятельности ихъ въ нашей Русской землѣ, среди нашихъ предковъ—русскихъ славянъ. И кто знаетъ,—не запало ли тогда сѣмя ихъ славянскаго благовѣстія гораздо глубже на русской почвѣ, чѣмъ мы обыкновенно думаемъ? Вспомнимъ, что, спустя не болѣе 8—9 лѣтъ послѣ ихъ проповѣди въ южной Россіи, совершилось у насъ такъ называемое первое крещеніе

Руси при Аскольдѣ... Какъ бы то ни было, мы, восточные славяне—русскіе и болгаре, имѣемъ полное право не уступать нашихъ первоучителей однимъ славянамъ западнымъ—чехамъ и моравамъ, которые стараются представить ихъ исключительно только своими учителями. Нѣтъ, они имѣютъ въ нашихъ глазахъ бо́льшую честь, какъ учители всеславянскіе. Ихъ первоучительскія имена служатъ для насъ такимъ же знаменемъ всеславянскаго единства, какимъ для разрозненныхъ племенъ древней Эллады было имя ихъ великаго поэта, о которомъ тоже спорили чуть не всѣ города Греціи.

Замѣчательно, что на хазарское путешествіе св. Кирилла и Меѳодія обратили вниманіе еще наши древніе книжники и отмѣтили его даже составленіемъ особыхъ легендъ. Одна легенда, найденная Бандуріемъ въ греческомъ переводѣ, составленная изъ нѣсколькихъ легендъ заразъ, разсказываетъ, что Кириллъ и Меѳодій (названный здѣсь Аѳанасіемъ) были приглашены въ Россію самимъ русскимъ княземъ, посылавшимъ до этого въ разныя страны пословъ для испытанія вѣръ, обратили его и его народъ ко Христу чудомъ не сгорѣвшаго на кострѣ Евангелія и изобрѣли для русскихъ 35 буквъ, которыя изъ Россіи и распространились потомъ по всему славянскому міру. Другая легенда еще патріотичнѣе; на основаніи упомянутаго нами мѣста въ житіи св. Кирилла о найденныхъ имъ въ Крыму русскихъ письменахъ она разсказываетъ, что эти письмена самъ Богъ открылъ одному невѣдомому русину святой жизни, а отъ этого русина ихъ перенялъ уже св. Кириллъ философъ, передавшій ихъ потомъ другимъ славянамъ, т. е. проводитъ какъ разъ ту самую мысль, какую, только съ бо́льшимъ запасомъ учености и остроумія, доказываетъ, какъ мы видѣли, г. Иловайскій.

По возвращеніи отъ хазаръ до путешествія въ Моравію солунскіе братья имѣли около двухъ лѣтъ времени для продолженія своей просвѣтительной дѣ-

ятельности между греческими славянами. Но вслѣдствіе естественнаго противодѣйствія со стороны грековъ дѣло ихъ все-таки не могло имѣть здѣсь надлежащаго успѣха. Объ этомъ противодѣйствіи у славянъ Балканскаго полуострова остались самыя грустныя преданія, которыя ставятъ грековъ совершенно на одну доску съ латинянами. Монахи одного сербскаго монастыря въ XVII в., жалуясь нашему Арсенію Суханову на властолюбіе грековъ и ненависть ихъ къ славянамъ, между прочимъ разсказывали, что еще Кириллъ философъ много потерпѣлъ отъ нихъ въ свое время за славянскую азбуку и переводы, что они чуть его не убили и что поэтому онъ и долженъ былъ довершить свое дѣло въ пользу славянства не въ Греціи, а на сторонѣ, въ Моравіи (Сборн. Солов. библ. № 897, л. 2—3). Свидѣтельство это конечно позднее и носитъ на себѣ замѣтную печать тоже позднѣйшихъ вѣковыхъ ссоръ славянъ съ греками, но, доведенное до извѣстной степени умѣренности тона, оно очень близко походитъ на правду. Во всякомъ случаѣ для своего первоначальнаго развитія и для пріобрѣтенія надлежащей крѣпости и устойчивости великое предпріятіе славянскихъ первоучителей очевидно требовало иной, независимой славянской страны, съ сильнымъ собственнымъ правительствомъ, но не такой однако, какъ Болгарія, гдѣ правительство было еще языческое, а съ правительствомъ христіанскимъ, которое само могло бы заинтересоваться этимъ предпріятіемъ и поддержать его. Такой страной, такимъ питомникомъ для произрастанія первыхъ нѣжныхъ всходовъ добраго сѣмени добрыхъ сѣятелей, откуда, окрѣпши, эти всходы разнесены были потомъ по всему славянскому міру, суждено было стать княжеству Моравскому.

Объясняя поводы къ моравской миссіи первоучителей, восточныя сказанія говорятъ, что ихъ пригласили изъ Греціи сами моравскіе князья, пожелавъ слышать слово Божіе на родномъ языкѣ и зная, что

отъ грековъ „на вся страны добрый законъ исходитъ“. Латиняне напротивъ доказываютъ, что св. братья бѣжали на западъ отъ греческой схизмы, чтобы броситься въ объятія папы и спасти чистоту своей вѣры. Мы не намѣрены разбирать подобныя объясненія, возникшія очевидно на почвѣ уже позднѣйшихъ отношеній греческой и римской церкви. Предоставляемъ имъ валиться отъ ихъ собственной слабости и обратимся за болѣе надежными объясненіями прямо къ тогдашнему состоянію самой Моравіи.

Славянскій міръ переживалъ тогда важную эпоху своей жизни. IX вѣкъ, вѣкъ внѣшняго самоопредѣленія отдѣльныхъ національностей въ Европѣ и образованія изъ разрушавшейся имперіи Карла Великаго отдѣльныхъ государствъ, ознаменовался образованіемъ нѣсколькихъ политическихъ группъ и среди славянскихъ племенъ. Таковы были, начиная счетъ съ востока, группа племенъ русскихъ, далѣе группа польская, еще западнѣе группа племенъ чешско-моравскихъ, наконецъ на югѣ—болгарская. Послѣднія двѣ составляли самыя крайнія вѣтви славянства, непосредственно соприкасавшіяся съ другими неславянскими народностями и государствами, первая—съ нѣмцами, вторая—съ греками. Чрезъ нихъ славянскій міръ знакомился съ двумя господствовавшими тогда цивилизаціями, дѣлавшими на него сильный напоръ,—латино-нѣмецкой и византійской; въ ихъ же средѣ долженъ былъ рѣшиться важнѣйшій для славянства жизненный вопросъ, на какую изъ этихъ двухъ сторонъ должна склониться будущая славянская цивилизація.

Во время смутъ, сопровождавшихъ распаденіе Карловой монархіи, Моравія успѣла высвободиться изъ-подъ франко-нѣмецкаго господства, которому должна была подчиниться при Карлѣ, и при князѣ Моймірѣ образовала довольно сильную державу, обнимавшую, кромѣ Моравіи, еще всю Паннонію до устья Дравы въ Дунай. Въ 846 г. король Людовикъ Нѣ-

мецкій послѣ долгихъ усилій опять покорить ее нѣмцамъ успѣлъ свергнуть Мойміра и посадить на моравскій престолъ кн. Ростислава въ качествѣ своего вассала; но этотъ новый князь,—герой народныхъ преданій, собиратель всѣхъ силъ своего государства, строитель крѣпостей и грозный народный вождь противъ нѣмцевъ, сдѣлался еще самостоятельнѣе Мойміра и въ 855 г. нанесъ нѣмцамъ такія пораженія, что папа Николай I сталъ возсылать горячія молитвы о побѣдѣ германскому королю, а Людовикъ почелъ за нужное искать противъ моравовъ союза съ болгарами. Нѣмцы успѣли было удержать за собой Паннонію, но около 861 г. Ростиславъ захватилъ главный городъ этой страны Нитру и посадилъ въ ней своего племянника Святополка. Послѣ этого паннонскій князь Коцелъ, бывшій вѣрнымъ вассаломъ нѣмецкаго короля, долженъ былъ удовлетвориться только самою южною, небольшою частью прежняго паннонскаго или нитранскаго княжества, землями около Блатенскаго озера. Но, достигнувъ политической самостоятельности, Моравія не освободилась еще отъ церковнаго подчиненія нѣмцамъ. Еще Карлъ Великій, имѣвшій обыкновеніе немедленно крестить всѣ покоренные имъ народы, наслалъ на Чехію, Моравію и Паннонію латинскихъ миссіонеровъ и подчинилъ эти страны нѣмецкой іерархіи,—первыя двѣ пассавскому епископу, а Паннонію зальцбургскому архіепископу, предоставивъ этимъ іерархамъ въ поощреніе ихъ крестительской дѣятельности громадныя выгоды,—треть доходовъ со всѣхъ крещеныхъ земель, кромѣ обычныхъ десятинъ, и обширныя поземельныя владѣнія. Послѣ этого славяне, разумѣется, живо были окрещены вмѣстѣ съ своими князьями, въ какую вѣру—этого вѣроятно не понимали ни они, ни сами, можетъ статься, ихъ крестители, но сила нѣмецкой іерархіи въ новообращенныхъ странахъ тѣмъ не менѣе получила страшное развитіе и всею мощью

своей тянула ихъ въ подчиненіе нѣмецкому королевству.

Неестественность и тяжесть такого порядка вещей замѣтилъ еще первый моравскій князь, стремившійся къ независимости отъ нѣмцевъ, Мойміръ и вмѣстѣ съ союзникомъ своимъ аварскимъ ханомъ Тудуномъ усиленно домогался у папы, чтобы ему дали іерархію отдѣльную отъ нѣмецкой. Въ 826 г. папа Евгеній II согласился на эту просьбу и назначилъ для Аваріи, Панноніи, Моравіи и Мизіи особаго архіепископа Урольфа, бывшаго пассавскаго, который много потрудился въ крещеніи этихъ странъ, а Мойміръ съ Тудуномъ стали было даже строить соборы въ Ольмюцѣ, Нитрѣ, Вѣнѣ и Старградѣ для будущихъ четырехъ епископовъ этой новой архіепископіи; но баварскіе епископы и самъ король такъ дружно возстали противъ этой затѣи моравскаго князя, что всѣ мечты его съ Урольфомъ и самого папы, надѣявшагося подчинить означенныя земли непосредственно себѣ, разлетѣлись прахомъ, и Моравія попрежнему осталась при одномъ нисшемъ духовенствѣ, въ подчиненіи епископамъ чужаго и притомъ враждебнаго для нея государства. При Ростиславѣ необходимость церковнаго обособленія ея отъ этой чуждой власти стала, разумѣется, еще настоятельнѣе. Ростиславъ (какъ свидѣтельствуетъ грамата папы Адріана къ моравскимъ князьямъ) по примѣру Мойміра рѣшился еще разъ обратиться въ Римъ съ просьбой объ особой іерархіи для своего княжества. Но папа почему-то медлилъ исполнить эту просьбу,—можетъ быть, выжидалъ, не обойдется ли это щекотливое дѣло такъ, безъ новаго рискованнаго для папскаго авторитета столкновенія съ сильными нѣмецкими епископами, которые конечно и теперь постараются не выпускать Моравіи изъ своихъ рукъ. Ростиславъ ждалъ—ждалъ себѣ отвѣта изъ Рима, наконецъ бросилъ папу, потому что ждать больше никакъ не приходилось, и обратился для достиженія своей цѣли на востокъ,

къ Византіи, куда невольно тянулъ его и политическій ходъ вещей. Король Людовикъ заключилъ противъ него союзъ съ болгарами, Ростиславу естественно было искать союза съ враждебной болгарамъ Византійской имперіей, которая легко могла задержать болгаръ отъ соединенія съ королемъ, дѣйствуя у нихъ въ тылу. И вотъ, посовѣтовавшись съ Святополкомъ (Коцелъ былъ на сторонѣ нѣмцевъ), онъ послалъ къ императору Михаилу пословъ, прося для Моравіи новыхъ учителей вѣры отъ восточной церкви. Таковы были настоящія обстоятельства, вызвавшія плодотворное посольство въ Моравію св. солунскихъ братьевъ. Никакихъ поверженій кого нибудь въ чьи бы то ни было объятія тутъ очевидно не было. Начальный ходъ дѣла былъ чисто политическаго характера, и ни греки, ни латиняне, ни моравскіе князья не были причинны въ томъ, что перстъ Промысла, движущаго событіями, повидимому случайными или совершающимися по разсчетамъ, страстямъ и ошибкамъ людей, указалъ этому дѣлу совсѣмъ иной конецъ, употребивъ своимъ орудіемъ именно такихъ, глубоко проникнутыхъ сознаніемъ смысла своей миссіи людей, какъ свв. Кириллъ и Меѳодій.

Для большаго уясненія нашей мысли обратимся къ совершенно параллельнымъ событіямъ, совершавшимся въ то же время въ другой славянской странѣ — Болгаріи.

Въ то время, какъ Моравія, освобождаясь отъ владычества нѣмцевъ, обращалась за учителями вѣры на востокъ, Болгарія, боровшаяся съ восточной имперіей, искала себѣ политическаго и церковнаго союза на западѣ. Въ 862 г., во время отправленія свв. Кирилла и Меѳодія въ Моравію, болгарскій князь Борисъ былъ еще язычникомъ, но, какъ государь европейскій, владѣвшій страною, находившейся со всѣхъ сторонъ подъ христіанскими вліяніями, и самъ достаточно знакомый съ христіанствомъ, успѣвшимъ проникнуть даже въ его собственное семейство, былъ уже очень

близокѣ къ крещенію. Заключивъ союзъ съ Людовикомъ Нѣмецкимъ, онъ сначала хотѣлъ креститься отъ нѣмцевъ и въ маѣ 864 г. Людовикъ поспѣшилъ порадовать вѣстью объ этомъ папу Николая; но близкія и долгія связи Болгаріи съ Греціей уже сдѣлали свое дѣло, и въ концѣ того же или въ началѣ слѣдующаго года Борисъ принялъ крещеніе отъ греческой церкви. Греки были очень обрадованы такимъ важнымъ для нихъ событіемъ, обѣщавшимъ впереди прекращеніе болгарскихъ набѣговъ; самъ императоръ Михаилъ былъ крестнымъ отцемъ сильнаго князя и далъ ему свое собственное имя. Но едва только это событіе совершилось, какъ Борисъ—Михаилъ почувствовалъ себя совершенно въ такомъ же положеніи въ отношеніи къ грекамъ, какъ Ростиславъ моравскій въ отношеніи къ нѣмцамъ. Греки прислали къ нему въ княжество однихъ только священниковъ и нисшій клиръ, совершенно также, какъ нѣмцы—моравамъ, собираясь очевидно вполнѣ подчинить юную болгарскую церковь своей собственной іерархіи. Между тѣмъ болгарскому князю, разумѣется, не безъизвѣстно было, что греческая іерархія имѣла еще болѣе политическаго значенія у грековъ, чѣмъ латинская у нѣмцевъ, и что византійскій императоръ имѣлъ крайне неудобную привычку приписывать къ своему длинному титулу имена всѣхъ народовъ, которые крестились у грековъ, и какъ ни трепеталъ передъ нѣкоторыми изъ этихъ народовъ, все-таки предобродушно и пресерьезно считалъ себя ихъ единымъ истиннымъ владыкой, единымъ вселенскимъ царемъ, а ихъ собственныхъ владыкъ чѣмъ-то въ родѣ своихъ намѣстниковъ. И вотъ, какъ Ростиславъ въ подобномъ положеніи обратился отъ нѣмцевъ къ грекамъ, такъ Борисъ не болѣе, какъ черезъ годъ послѣ своего крещенія, завязалъ сношенія съ папой и Людовикомъ Нѣмецкимъ, прося ихъ прислать ему взамѣнъ греческаго латинское духовенство; славянской службы у болгаръ еще не было и имъ поэтому было все рав-

но, погречески или полатинѣ будутъ служить въ ихъ церквахъ. Папа немедленно прислалъ и епископа, и цѣлую толпу монаховъ и священниковъ, которые живо вытѣснили изъ страны все греческое духовенство. Онъ съ удовольствіемъ готовъ былъ исполнить и другую, самую главную просьбу Бориса—дать ему архіепископа, нужнаго для церковной автономіи Болгаріи, но на этотъ разъ не сошелся съ нимъ въ назначеніи лицъ для этого важнаго поста: Борисъ требовалъ себѣ все такихъ высокопоставленныхъ въ римской іерархіи людей, которые едва ли и сами поѣхали бы изъ Рима служить въ такой отдаленной и дикой странѣ, какъ Болгарія. Между тѣмъ греки наконецъ поняли, какую ошибку допустили изъ-за своего властолюбія, и когда Борисъ, размолвившись съ папой, въ 870 г. снова обратился къ нимъ съ своими требованіями, поспѣшили дать ему и архіепископа и не менѣе десяти епископовъ. Болгарія послѣ этого осталась за ними и сдѣлалась предметомъ длинныхъ пререканій между патріархомъ и папою, поведшихъ потомъ къ раздѣленію церквей. Обѣ спорившія стороны долго упражнялись въ искусствѣ подбирать къ совершившемуся факту запоздалыя и безплодныя справки изъ исторіи и каноновъ, стараясь завинить одна другую и не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, подъ чьимъ пастырствомъ желали быть главные рѣшители этого дѣла, самъ болгарскій князь и его болгарскій народъ.

Вся эта историческая обстановка славянской миссіи первоучителей, кажется, достаточно ясно показываетъ, что инициатива ихъ первоучительскаго подвига въ тѣхъ именно народно-славянскихъ чертахъ, въ какихъ онъ проявился на дѣлѣ, принадлежала никакъ не грекамъ и даже не славянамъ, а исключительно генію самихъ солунскихъ братьевъ и составляетъ ихъ неотъемлемую славу. Самую дѣятельность ихъ въ Моравіи я описывать не стану, предполагая ее извѣстною. Они путешествовали съ проповѣдью по

всей странѣ, крестили язычниковъ, истребляли остатки старыхъ языческихъ суевѣрій и нравственныя нестроенія между самими христіанами, которыхъ застали послѣ нѣмецкихъ крестителей на самой низкой степени христіанскаго развитія, святили церкви, совершали славянское богослуженіе, переводили на славянскій языкъ нужнѣйшія на первыхъ порахъ книги и обучали собранныхъ по распоряженію князя учениковъ, готовя въ нихъ преемниковъ своего высокаго служенія.

Но вотъ на что нельзя не обратить вниманія,— греки и Моравіи не дали особаго епископа, какъ потомъ Болгаріи. Св. Кириллъ былъ только священникомъ, а о св. Меѳодіѣ можно сомнѣваться, имѣлъ ли онъ даже и санъ священства: по извѣстію его паннонскаго житія, священство онъ получилъ уже въ Римѣ отъ папы. Стало быть, нѣмецкую іерархію некѣмъ было замѣнить въ Моравіи, какъ бы этого ни желалъ самъ кн. Ростиславъ. Свв. Кириллъ и Меѳодій очутились въ очень затруднительномъ и даже фальшивомъ положеніи, какъ учители, явившіеся въ чужую область безъ дозволенія мѣстной іерархіи и притомъ въ оппозицію послѣдней. Нѣмецкое духовенство, владѣя попрежнему всей страной, подняло противъ нихъ страшный протестъ, обвиняя ихъ не только во вторженіи въ чужіе предѣлы, но даже прямо въ ереси за богослуженіе на варварскомъ, непризнанномъ латинскою церковію языкѣ, и было готово во всякое время подавить эту ничтожную по численности партію народныхъ учителей. Самъ князь долженъ былъ серьезно бояться сильнаго зальцбургскаго архіепископа и пассавскаго епископа, обладавшихъ не одними только духовными правами своей іерархической власти, но и серьезными матеріальными силами какъ въ нѣмецкомъ королевствѣ, такъ и въ самой Моравіи, готовыхъ всегда выставить въ поле значительныя войска и поддержать своего короля во всѣхъ его притязаніяхъ на Моравское княжество. Въ грекахъ Рости-

славъ разочаровался съ самаго же начала своего съ ними союза. Они и не думали поддержать его въ 864 г., когда Людовикъ Нѣмецкій стѣснилъ его со всѣхъ сторонъ и взялъ у него даже заложниковъ въ обезпеченіе вѣрности на будущее время; его только и спасли тогда раздоры, начавшіеся между самими нѣмцами, возстаніе противъ короля его собственныхъ сыновей. Не дали ему греки и самостоятельной церкви. Находясь въ такихъ обстоятельствахъ, онъ рѣшился поступить такъ же, какъ Борисъ болгарскій, т. е. обратиться отъ грековъ къ папѣ, безъ котораго пожалуй даже и не возможно было обойтись въ дѣлѣ учрежденія особой моравской архіепископіи, не отдѣляя ее совершенно отъ западной церкви къ восточной, что было и невыгодно и рискованно для моравскаго княжества, всецѣло впутаннаго въ кругъ именно западныхъ, а не восточныхъ отношеній. Поставивъ моравскую церковь подъ непосредственную защиту апостольскаго престола, какъ церковную провинцію св. Петра, и затѣмъ предоставивъ папѣ самому вѣдаться съ нѣмецкими епископами, какъ знаетъ, Ростиславу можно было очень много выиграть какъ въ церковномъ, такъ даже и въ политическомъ отношеніи, гдѣ поддержка св. престола тоже была не безполезна. Такимъ точно порядкомъ въ VIII в. при Бонифатіѣ получила самостоятельность сама германская церковь, бывшая прежде подъ властью франкскихъ епископовъ. Въ такомъ смыслѣ Ростиславъ вѣроятно и повелъ свои переговоры съ папою, бывшіе причиною вызова Кирилла и Меѳодія въ Римъ весной 867 г.

Сами первоучители склонились къ тѣмъ же мыслямъ: въ житіи Кирилла прямо сказано, что они пошли въ Римъ святить учениковъ, которыхъ въ теченіи своего 40-мѣсячнаго пребыванія въ Моравіи приготовили для занятія церковныхъ должностей, но которыхъ посвятить на эти должности было некому;— это совершенно равносильно съ признаніемъ ими ка-

нической юрисдикціи папы. Мнѣ кажется, нечего распространяться здѣсь о томъ, что въ этомъ обращеніи ихъ къ Риму не было ничего особеннаго, чѣмъ бы могли восторгаться съ своей нынѣшней точки зрѣнія современные намъ латиняне, потому что раздѣленія церквей тогда еще не было и наши свв. отцы могли, и не будучи католиками, смотрѣть на папу съ полнымъ уваженіемъ, какъ на православнаго патріарха той церковной области, гдѣ они дѣйствовали. Противъ разныхъ уклоненій отъ православныхъ обычаевъ и понятій, какія уже начали тогда распространяться въ римской церкви, они неопустительно возвышали свой обличительный голосъ и въ Моравіи, и на пути въ Римъ, и въ самомъ Римѣ, какъ истые православные греки. Такъ, житія ихъ подробно описываютъ ихъ диспуты съ латинскимъ духовенствомъ о національномъ богослуженіи, въ которыхъ они проводили одну высокую идею, вполнѣ соотвѣтствующую характеру вселенской церкви, что въ этой церкви нѣсть ни еллинъ, ни іудей, ни латинянинъ, ни славянинъ, что для нея равны всѣ народы, какъ равны они для искупительной благодати самого Господа, и что по этому самому она допускаетъ самую широкую свободу для развитія частныхъ національныхъ церквей. Проходя область кн. Коцела, находившагося тогда въ большой дружбѣ съ зальцбурскимъ архіепископомъ, они и здѣсь не опустили случая простереть къ народу свою славянскую проповѣдь и такъ подѣйствовали ею на Коцела, что онъ самъ принялся за славянскія буквы, возлюбивъ ихъ вельми, и отдалъ св. братьямъ въ науку до 50 молодыхъ людей своего княжества.

Въ Римъ они прибыли въ концѣ 867 г. На папскій престолъ только лишь взошелъ тогда (съ 14 дек. 867 г.) папа Адріанъ II, имѣвшій особыя причины на первыхъ порахъ благосклонно относиться къ грекамъ, на которыхъ былъ очень золъ его предшественникъ Николай I. Въ Константинополѣ на престолъ

взошелъ тоже новый императоръ Василій Македонянинъ и, свергнувъ съ каѳедры ненавистнаго Риму п. Фотія, посадилъ на его мѣсто стараго патріарха Игнатія, за котораго Римъ стоялъ противъ Фотія. Не мало помогло моравскимъ учителямъ въ Римѣ и то обстоятельство, что они привезли съ собою часть мощей св. папы Климента, обрѣтенныхъ ими въ Корсунѣ еще во время хазарскаго путешествія. Для новаго папы очень пріятно было ознаменовать начало своего служенія двойнымъ торжествомъ, и по случаю пріема этихъ дорогихъ для Рима мощей, и по случаю присоединенія къ св. престолу такой важной страны, какъ Моравія, которая могла быть преддверіемъ для проникновенія папской власти въ обширный славянскій міръ. Адріанъ принялъ славянскихъ первоучителей съ большою торжественностію и съ рѣдкимъ радушіемъ, одобрилъ ихъ славянскіе переводы, самъ возлагалъ славянское Евангеліе на престолъ св. Петра и дозволилъ имъ совершить въ разныхъ церквахъ Рима нѣсколько славянскихъ литургій. Славянскія преданія сохранили вообще самую лестную память объ этомъ пріемѣ св. братьевъ папою, постоянно выставляя Адріана папою вполнѣ православнымъ и покровителемъ славянской церкви. Явились было и въ Римѣ противники славянскаго богослуженія; но папа Адріанъ разгнѣвался на нихъ, нарекъ ихъ треязычниками и пилатниками и велѣлъ предать ихъ проклятію. Принимая во вниманіе обычное отношеніе римской церкви къ вопросу о народныхъ языкахъ въ богослуженіи, можно было бы усумниться въ самой достовѣрности подобныхъ извѣстій, но они вполнѣ подтверждаются оффиціальными свидѣтельствами послѣдующихъ папскихъ буллъ Адріана II и Іоанна VIII, въ которыхъ выражается тоже отношеніе папъ къ славянскому богослуженію съ однимъ лишь ограниченіемъ, чтобы Апостолъ и Евангеліе читались на литургіяхъ сначала на латинскомъ, а потомъ уже на славянскомъ языкахъ. Кромѣ того, принимая сторону

моравскихъ учителей, папа очевидно дѣйствовалъ противъ нѣмецкой іерархіи и шелъ на явное съ нею столкновеніе.

Для объясненія такого поведенія папы слѣдуетъ обратиться къ тогдашнимъ обстоятельствамъ. Уступка требованіямъ моравской церкви была совершенно необходима, потому что всегда можно было ожидать, что въ крайности моравскій князь обратится къ грекамъ, тѣмъ болѣе что новый греческій императоръ самъ былъ славянинъ родомъ и могъ энергичнѣе стать за Моравію, чѣмъ его предшественникъ Михаилъ. А съ другой стороны чиниться съ нѣмецкой іерархіей папы римскіе не имѣли особенной наклонности. Политика ихъ никогда не любила на сторонѣ отъ Рима сильныхъ церковныхъ центровъ, которые всегда изъявляли стремленіе къ самостоятельному образу дѣйствій въ ущербъ папскому авторитету; прямымъ интересомъ ея, который особенно ясно выразился въ дѣятельности покойнаго папы Николая I въ отношеніи къ франкскимъ епископамъ, было напротивъ всяческое ослабленіе этихъ центровъ, раздѣленіе ихъ на менѣе крупныя и менѣе сильныя церковныя группы и привлеченіе послѣднихъ въ непосредственное подчиненіе самому св. престолу. Папѣ Адріану было поэтому вовсе не слѣдъ усердствовать къ поддержанію іерархическихъ интересовъ и безъ того уже слишкомъ сильнаго архіепископа зальцбургскаго или епископа пассавскаго, напротивъ былъ большой интересъ поубавить ихъ силы въ свою пользу, отнявши у нихъ Моравію и Паннонію. Прошло всего только 40 лѣтъ, какъ эти епископы уничтожили подобную же попытку папы Евгенія, и папская власть еще не забыла своего тогдашняго униженія. Кстати теперь у нея явилось больше шансовъ на успѣхъ, потому что дѣятельность такихъ народныхъ учителей, какъ Кириллъ и Меѳодій была не то, что дѣятельность какого нибудь нѣмца Урольфа,—народная почва для отдѣленія страны отъ нѣмцевъ была несомнѣнно болѣе приго-

товлена, да и князь Ростиславъ былъ не то, что кн. Моймiръ. Нужно было только поддержать нацiональное движенiе Моравiи своимъ покровительствомъ, поставленiемъ славянской iерархiи и дозволенiемъ славянскаго богослуженiя, и папа поддержалъ его.

Нельзя не присовокупить къ этому еще и того важнаго обстоятельства, что самая исключительность латинскаго языка въ богослуженiи западной церкви въ той крайне фанатической и догматически обставленной формѣ, въ какой она устраняла противныя ей мнѣнiя, прямо какъ ересь, развивалась не столько въ центрѣ католичества, сколько на перифериiхъ католической церкви, гдѣ латинское духовенство непосредственно сталкивалось со всякими, религiозными и свѣтскими нацiональными тенденцiями и гдѣ нацiональность была почти синонимомъ стараго язычества и всякаго вообще противодѣйствiя латинскому господству. Первое заявленiе о трехъ языкахъ въ богослуженiи сдѣлано было, кажется, въ VII в. въ Испанiи извѣстнымъ Исидоромъ севильскимъ; потомъ въ VIII в. ученiе это стало развиваться во франко-германской имперiи. Замѣчательно, что нѣмцы въ IX в. все-таки имѣли у себя нѣсколько переводовъ свящ. книгъ на свой языкъ и возставали только противъ славянскихъ переводовъ. Папы конечно всегда стремились къ тому, чтобы во всей римской церкви былъ единый церковный языкъ латинскiй, но вопросу о господствѣ его не придавали пока значенiя догматическаго, смотрѣли на него съ чисто практической точки зрѣнiя, какъ греки на свой греческiй языкъ, между тѣмъ какъ для духовенства церковныхъ окраинъ вопросъ этотъ былъ однимъ изъ самыхъ жгучихъ, заставлялъ горячиться, впадать при рѣшенiи его въ фанатическiя крайности, въ которыхъ папа могъ дѣйствительно находить ересь, треязычничество и пилатничество. При всемъ томъ рѣшенiе папы относительно славянскаго богослуженiя состоялось не вдругъ, а вѣроятно послѣ долгаго колебанiя, потому что дѣ-

ло тянулось болѣе года и во все это время первоучители съ своими учениками должны были проживать въ Римѣ почти попустому, да и рѣшилось далеко не такъ, какъ бы имъ было желательно. Папа дозволилъ славянское богослуженіе вовсе не изъ признанія полной церковной равноправности славянъ съ другими „великими народами, иже славятъ Бога своимъ языкомъ“, во имя которой дѣйствовали сами первоучители, а только изъ частнаго милостиваго снисхожденія къ неразумнымъ варварамъ Моравіи и Панноніи и на время. Такъ представляетъ его рѣшеніе моравская легенда о первоучителяхъ. Стало быть, опасности отъ треязычной ереси при перемѣнѣ обстоятельствъ могли снова возникнуть для моравской церкви.

Посвященія священно-и-церковнослужителей въ Моравію изъ учениковъ свв. Кирилла и Меѳодія начались вскорѣ по прибытіи ихъ въ Римъ. Въ епископы папа хотѣлъ посвятить св. Кирилла, но этотъ отказался отъ предложеннаго ему сана какъ по своему смиренію, такъ и по своей болѣзненности, и потому санъ этотъ достался потомъ св. Меѳодію, сдѣлавшемуся такимъ образомъ первоначальникомъ всей нашей православной славянской іерархіи. Св. Кириллъ пріѣхалъ въ Римъ совсѣмъ уже больной. Крайне напряженная дѣятельность его съ самыхъ раннихъ лѣтъ жизни преждевременно (ему было всего 42 года) сломила его силы. Не мало вѣроятно повліяли на его разстроенное здоровье тревоги, какія онъ долженъ былъ потерпѣть въ самомъ Римѣ, интриги нѣмецкой партіи при римскомъ дворѣ, долгое колебаніе папы въ рѣшеніи вопроса о слав. богослуженіи, да и самое рѣшеніе этого дѣла, двусмысленное, безпринципное, не представлявшее впереди ничего прочнаго для славянства. Его предсмертная молитва объ юной славянской церкви, которую передаетъ паннонское житіе, отзывается очень грустнымъ и тревожнымъ чувствомъ. До самой кончины своей 14 фев-

раля 869 г. онъ оставался вѣрнымъ сыномъ православной греческой церкви и самой имперіи и только, принимая предсмертное иноческое постриженіе (съ именемъ Кирилла), сказалъ: „Отселѣ не слуга я царю и ни иному кому на земли". Послѣднимъ завѣщаніемъ его брату было завѣщаніе не оставлять своего служенія славянской церкви ради отшельничества на Олимпѣ, куда Меѳодій не переставалъ стремиться. „Мы были съ тобой, брате, говорилъ онъ, пара воловъ, тянули одну борозду; и вотъ я падаю на грядѣ, свой день скончавъ, ты же любишь очень гору;—не оставляй для горы своего ученія,—имъ лучше можетъ спасенъ быть". По кончинѣ его Меѳодій осиротѣлъ и долженъ былъ тянуть тяжелую борозду уже одинъ, но самоотверженно выполнилъ трогательный завѣтъ своего св. брата, не оставилъ своего подвига до конца своей жизни и довелъ дѣло славянскаго первоучительства до той степени развитія, послѣ которой погибнуть оно уже не могло.

Управленіе славянскою церковію досталось ему какъ разъ въ то время, когда для устроенія ея судьбы нужна была вся его житейская опытность, все его практическое умѣнье обращаться съ людьми и разбираться въ ихъ отношеніяхъ и вся его твердость воли. Судьба ея вся теперь находилась въ зависимости именно отъ этихъ людскихъ отношеній, съ одной стороны отъ измѣнчиваго благоволенія къ ней папы и отношеній его къ нѣмецкимъ епископамъ, съ другой отъ силы моравскихъ князей, ихъ способности отстаивать свою самостоятельность отъ нѣмцевъ и даже отъ степени ихъ любви къ своей собственной славянской національности, потому что между князьями и боярами и тогда были нерѣдки примѣры измѣны своей народности ради чужой, казавшейся болѣе цивилизованною и высокою. Высказавъ такой взглядъ на судьбу моравской церкви, я вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ сказать, синтетически напередъ уже намѣтилъ главные мотивы и обстановку

всей послѣдующей дѣятельности св. Меѳодія за время его святительскаго служенія.

Служеніе это началось при самой печальной обстановкѣ. Ему некуда было даже ѣхать, чтобы вступить въ исполненіе своихъ новыхъ обязанностей. Въ то время, какъ св. братья проживали въ Римѣ, въ судьбѣ Моравіи произошелъ тяжелый переворотъ. Раздоры въ семействѣ Людовика Нѣмецкаго кончились; король соединился съ своими сыновьями и со всѣхъ сторонъ стѣснилъ Ростислава въ Велеградѣ, такъ что князю было уже вовсе не до церковныхъ дѣлъ. Явившись въ свою епархію съ папскою грамотою ко всѣмъ тремъ славянскимъ князьямъ, Ростиславу, Святополку и Коцелу, Меѳодій не могъ пройти въ Моравію и остановился у Коцела, котораго Ростиславу удалось тогда увлечь своимъ примѣромъ тоже на сторону противунѣмецкой, національной политики, не смотря на его давнюю покорность нѣмцамъ. Коцелъ съ радостью принялъ Меѳодія и вмѣстѣ съ нимъ славянское богослуженіе, чрезвычайно понравившееся народу и скоро совсѣмъ вытѣснившее латинскую мессу. Между тѣмъ папа Адріанъ позаботился оправдать свое распоряженіе объ отдѣленіи славянской церкви отъ зальцбургской архіепископіи, вспомнивъ для этого, хоть не очень компетентную, но довольно подходящую къ случаю историческую справку, что Паннонія была когда-то самостоятельною областію св. апостола Андроника. Зальцбургскій архіепископъ, разумѣется, не убѣдился этой справкой и вмѣстѣ съ другими баварскими епископами возсталъ и противъ Меѳодія и противъ самого папы Адріана.

Въ такомъ напряженномъ положеніи были дѣла, когда въ Моравіи совершилось событіе, поразившее весь народъ ужасомъ. Ростиславъ все еще отбивался отъ нѣмцевъ и не терялъ надежды отстоять самостоятельность своей страны, но былъ наконецъ сломленъ измѣной. Его племянникъ Святополкъ въ 870 г. измѣннически схватилъ его и выдалъ нѣмцамъ, желая

встать на его мѣсто. Несчастнаго князя немедленно увезли въ Регенсбургъ къ королю, обвинили въ измѣнѣ и заточили на всю жизнь въ монастырь, выколовши ему предварительно глаза. Отеломленная потерей князя-героя, Моравія почти безъ сопротивленія сдалась старшему сыну короля, Карломану баварскому. Святополкъ однако не достигъ своей цѣли, оставленъ былъ при одномъ своемъ прежнемъ Нитранскомъ княженіи и затаилъ сильную злобу противъ обманувшихъ его нѣмцевъ. Расхрабрившійся было Коцелъ послѣ плѣна Ростислава опять присмирѣлъ передъ нѣмцами, снова принялъ латинское духовенство, совсѣмъ удалившееся изъ его княжества при Меѳодіѣ, и выдалъ самого Меѳодія. Святитель былъ преданъ суду баварскихъ епископовъ за проповѣдь въ чужой области. Въ присутствіи самого короля онъ долго и горячо защищалъ свои права, дарованныя самимъ папою, и грозилъ своимъ судьямъ гнѣвомъ святѣйшаго отца. Но эти угрозы не были страшны сильнымъ епископамъ, которыхъ поддерживалъ самъ Людовикъ. Потѣшаясь надъ подсудимымъ, король замѣтилъ: „Что вы трудите моего Меѳодія? онъ и такъ вспотѣлъ, какъ у печки“.—Такъ, государь! обратился къ нему Меѳодій. Это все равно, какъ разсказываютъ: встрѣтили разъ люди философа въ поту и спросили: что ты вспотѣлъ? Съ дураками спорилъ,— отвѣтилъ имъ философъ.—Послѣ суда, не извѣстивъ даже папу, Меѳодія услали куда-то въ Швабы, гдѣ онъ и пробылъ въ заточеніи $2\frac{1}{2}$ года.

Епископы хорошо знали, что папа непремѣнно заступится за него ради одного уже поддержанія своего собственнаго авторитета. Поэтому въ Зальцбургѣ была изготовлена подробная историческая записка объ обращеніи Моравіи и Панноніи въ христіанство и о церковной юрисдикціи надъ ними нѣмецкой іерархіи со времени Карла Великаго въ теченіи 75 лѣтъ до „нѣкоего грека Меѳодія“, который первый нарушилъ эту юрисдикцію, сталъ проповѣдовать новое ученіе,

ввелъ вмѣсто латинскихъ новыя славянскія письмена и подорвалъ латинское богослуженіе... Папа Адріанъ не успѣлъ возвысить своего голоса въ защиту своего распоряженія о славянской церкви,—въ декабрѣ 872 г. онъ умеръ. Но его преемникъ Іоаннъ VIII, не смотря на тревожное тогда состояніе самой Италіи, крѣпко вступился за честь св. престола и весной слѣдующаго 873 г. послалъ въ Германію своего легата анконскаго епископа Павла съ сильными представленіями королю и его епископамъ. Недавно (1880 г.) въ британскомъ музеѣ въ сборникѣ папскихъ писемъ открыты новыя весьма важныя письма папы Іоанна VIII по этому дѣлу, изъ которыхъ видно, что св. Меѳодій потерпѣлъ тогда жестокія истязанія отъ пассавскаго епископа и можетъ быть справедливо причисленъ даже къ сонму св. исповѣдниковъ православной церкви. Когда всѣ папскія представленія остались безъ успѣха, папа отлучилъ четырехъ епископовъ, судившихъ Меѳодія, отъ церковной службы, „посла клятву на ня", какъ говоритъ житіе Меѳодія. Впрочемъ, и послѣ такой рѣшительной мѣры онъ едва ли бы могъ выиграть этотъ, уже второй, оскорбительный для папской власти процессъ съ германскими епископами, если бы не перемѣнились обстоятельства въ самой Моравіи.

Моравскій народъ понемногу опомнился отъ нанесеннаго ему удара и сталъ соединяться въ грозныя ополченія для изгнанія нѣмцевъ подъ предводительствомъ нѣкоего священника Славоміра или Склагамара. Этимъ народнымъ движеніемъ воспользовался кн. Святополкъ, чтобы отмстить нѣмцамъ, обманомъ взялъ у нихъ полномочіе и войско для подавленія возстанія и вмѣсто того обратился противъ нихъ же самихъ. Онъ нанесъ имъ страшное пораженіе въ самомъ Велеградѣ, куда заманилъ ихъ, какъ въ ловушку, потомъ въ союзѣ съ кн. Боривоемъ чешскимъ, на сестрѣ котораго онъ былъ женатъ, двинулся наступательно на Хорутанію, принадлежавшую Карломану баварскому, опустошилъ ее и въ 873 г. заставилъ самого короля Людовика

просить мира, на какихъ пришлось условіяхъ. Самостоятельность Моравіи была снова возстановлена, и теперь только въ 874 г. св. Меѳодій былъ наконецъ возвращенъ къ своей паствѣ въ званіи архіепископа моравскаго и паннонскаго. Нѣмцы успѣли впрочемъ удержать за собою значительную часть его архіепископства, именно область Коцела, около этого времени умершаго, которая досталась въ удѣлъ побочному сыну Карломана баварскаго Арнульфу.

Для Моравіи и Панноніи настала лучшая пора; св. Меѳодій особенно много потрудился въ это сравнительно спокойное время для славянской церкви. „Отъ того же дне, повѣствуетъ его житіе, вельми начатъ рости Божіе ученіе и стрижницы множитися во всѣхъ градѣхъ и поганіи вѣровати въ истинный Богъ. Тольми паче и Моравска область пространити начать во вся страны и враги своя побѣжати“. Къ этому времени относится попытка къ обращенію Меѳодіемъ какого-то князя въ Вислѣхъ, т. е. въ предѣлахъ Польши. Тогда же отъ него или его учениковъ крестился чешскій князь Боривой съ своей супругой Людмилой. Папа Іоаннъ VIII, невольно втянутый въ интересы моравской церкви, оказывалъ Меѳодію такое же благоволеніе, какъ предшественникъ его Адріанъ. На его архіепископію онъ смотрѣлъ, какъ на начатокъ будущей обширной римско-славянской церкви, къ которой должны примкнуть другія славянскія племена, и дорожилъ ею тѣмъ болѣе, что другая сильная славянская держава, на которую можно было бы разсчитывать съ такими же видами, Болгарія была уже потеряна для Рима. Такъ, въ 875 г. онъ сдѣлалъ попытку подчинить юрисдикціи Меѳодія южно-славянское сербское княжество, тяготѣвшее къ греческой церкви, и писалъ въ этомъ смыслѣ посланіе къ сербскому князю Мутиміру, приглашая его присоединиться къ области уже готоваго славянскаго архіепископа Меѳодія.... Но на этой свѣтлой картинѣ тогдашняго состоянія моравской церкви были и темныя пятна.

Нѣмецкое духовенство, все еще во множествѣ проживавшее въ Моравіи, вело противъ славянскаго дѣла самую упорную и опасную интригу, орудіемъ которой избрало самого князя. По своей воинской доблести, даже по результатамъ своей дѣятельности для независимости Моравіи Святополкъ стоялъ выше своего дяди Ростислава и скоро заставилъ народъ забыть про свою низкую измѣну этому любимому народному герою, даже затмилъ послѣдняго своимъ собственнымъ геройствомъ, но далеко уступалъ ему въ нравственной чистотѣ своего характера и стремленій. Ростиславъ былъ истинный сынъ своего народа, честно и самоотверженно боролся съ нѣмцами во имя благородной идеи національной свободы, тогда какъ Святополкъ дѣйствовалъ въ интересахъ однихъ эгоистическихъ стремленій къ своему личному возвышенію и былъ мало способенъ цѣнить высшія идеи общенароднаго блага. Жизнь его была цѣлымъ рядомъ своекорыстныхъ измѣнъ,—сначала онъ низко измѣнилъ своему великому дядѣ, потомъ измѣной же восторжествовалъ надъ нѣмцами, наконецъ измѣнилъ самой своей народности. Долговременная связь его съ нѣмцами не осталась безъ вліянія на этого грубаго, но увлекавшагося державца, одного изъ тѣхъ, какихъ много бывало между славянами, которые безъ удержу стремились уподобиться сосѣднимъ европейскимъ государямъ, хотя бы это стоило имъ измѣны своей народности, съ голоса сосѣдей считали свой народъ варварскимъ, съ пренебреженіемъ относились къ его обычаямъ, нравамъ и къ самой его церкви. Какъ человѣкъ грубый, невѣжественный, преданный удовлетворенію однихъ чувственныхъ инстинктовъ, онъ не могъ усвоить себѣ серьезныхъ сторонъ тогдашней нѣмецкой цивилизаціи, которой увлекался, но за то отлично усвоилъ ея, такъ сказать, увеселительную сторону, грубыя потѣхи, пиры и увеселенія съ женщинами. Изъ такихъ же людей составился и его дворъ, въ которомъ нѣмецкій элементъ занималъ конечно не послѣднее мѣсто. Снисходительная, гиб-

кая мораль богатаго и развращеннаго латинскаго духовенства была на руку и этимъ людямъ и самому князю. „Творящеся рабы Божіи“, разсказываетъ житіе Меѳодія, эти духовные „тай развращаху я, ласкающе имѣнія ради, да сетнѣе отлучити я отъ церкве“. Они напр. для этого разрѣшали незаконные браки, пользовались всякимъ случаемъ, чтобы осудить строгую мораль Меѳодія, и вѣроятно, по извѣстному издавна въ подобныхъ обстоятельствахъ обычаю латинянъ, старались представить его ученіе, какъ ученіе годное лишь для простонародья, а его самого архіереемъ нисшаго класса, хлоповъ. Разыгрывая роль цивилизованнаго державца, Святополкъ сталъ пренебрегать славянскимъ богослуженіемъ, вообразилъ, что ему и богослуженіе нужно не иное, какъ только благородное латинское. Увѣщанія Меѳодія только его сердили. Въ житіи Меѳодія есть извѣстіе, что холодность князя къ славянской церкви успѣла дурно отозваться даже на военныхъ успѣхахъ князя, парализуя народно-религіозное одушевленіе его славянскихъ воевъ. Однажды, во время какого-то военнаго затрудненія, Меѳодій усиленно просилъ князя, чтобы онъ посѣтилъ его архіерейское служеніе по крайней мѣрѣ въ торжественный праздникъ св. Петра и провелъ этотъ день вмѣстѣ съ своимъ архіепископомъ, предвѣщая ему за это вѣрную побѣду надъ врагами.

Между тѣмъ въ Римѣ дѣятельно велась другая интрига противъ св. Меѳодія. Нѣмецкая партія старалась внушить папѣ, что славянское богослуженіе становится болѣе ненужнымъ для Моравіи, такъ какъ противъ него сталъ самъ князь, и что Меѳодій проповѣдуетъ неправое ученіе, которое вмѣстѣ съ славянской службой грозитъ отторженіемъ моравской церкви отъ Рима. Къ 879 г. разладъ между славянскимъ и латинскимъ духовенствомъ въ Моравіи дошелъ до того, что самъ Святополкъ обратился къ папѣ съ вопросомъ, кого же ему слушаться, Меѳодія ли, обвиняемаго въ неправовѣріи, или латинскаго ду-

ховенства. И вотъ въ іюлѣ этого года въ Моравію пришли два посланія папы Іоанна—къ Святополку съ увѣщаніемъ быть вѣрнымъ римской церкви, къ Меѳодію—съ страннымъ выговоромъ за неправое ученіе и за славянскую службу, будто бы запрещенную ему еще раньше посланіемъ, посланнымъ съ Павломъ анконскимъ, и съ грознымъ позывомъ явиться въ Римъ къ отвѣту. Павелъ анконскій, какъ мы знаемъ, ѣздилъ въ Германію въ 873 г. по дѣлу о зальцбургскихъ претензіяхъ. Въ числѣ полномочій, полученныхъ имъ отъ папы, должно быть, было также полномочіе для удовлетворенія баварскихъ епископовъ, въ случаѣ надобности, запретить славянскую литургію, написанное въ формѣ посланія отъ папы на имя Меѳодія; но такъ какъ обстоятельства дѣлали это запрещеніе ненужнымъ и, при сильномъ тогда національномъ возбужденіи моравовъ, даже опаснымъ для интересовъ римской церкви, то легатъ и удержалъ папское посланіе у себя безъ объявленія, хотя конечно съ вѣдома папы. Теперь, когда самъ князь Святополкъ пересталъ поддерживать славянское богослуженіе, папа нашелъ выгоднымъ опять припомнить это посланіе и не утерпѣлъ даже прямо сослаться на него, разсчитывая, въ случаѣ возраженія со стороны Меѳодія о неполученіи его, свалить вину на неисправность легата. Такіе пріемы были очень нерѣдки въ практикѣ римскихъ папъ. Иначе мы никакъ не можемъ объяснить, какимъ образомъ случилось, что св. Меѳодій, вполнѣ уважавшій патріаршую власть папы, не исполнилъ его повелѣнія, если же считалъ исполненіе его противнымъ своей совѣсти, то почему папа не только не протестовалъ противъ его ослушанія цѣлыхъ 6 лѣтъ, но во все это время еще оказывалъ ему знаки своего сочувствія и благоволенія. Не говоримъ уже о томъ, что такое рѣшительное осужденіе славянскаго богослуженія при Іоаннѣ VIII прямо противорѣчило распоряженіямъ его предшественника Адріана,—подобныя противорѣчія въ папской практикѣ были нерѣдкостью, при томъ же самыя распоряженія папы

Адріана имѣли не принципіальный, а условный характеръ.

Въ Римѣ, какъ извѣщалъ папа Святополка въ грамотѣ отъ 880 г., Меѳодія ставили на судъ предъ соборомъ, допрашивали о славянскомъ богослуженіи и испытывали, такъ ли онъ содержитъ символъ вѣры, какъ римская церковь. Не смотря на то, что въ Римѣ находился тогда самый главный врагъ Меѳодія архіепископъ зальцбургскій Дитмаръ, Меѳодій всетаки вышелъ изъ этого суда совершенно оправданнымъ. Въ посланіи къ Святополку папа торжественно свидѣтельствовалъ о православіи моравскаго архіепископа и еще рѣшительнѣе одобрялъ славянскую службу, чѣмъ Адріанъ, говоря уже принципіально, что Тотъ, Кто создалъ три главные языка, создалъ и всѣ другіе на хвалу Себѣ, да, глаголя языки, по апостолу, созиждемъ церковь Божію,—при этомъ однако постарался удовлетворить и желанію князя: „Если же, писалъ онъ, тебѣ и твоимъ вельможамъ больше нравится латинская месса, то мы заповѣдаемъ служить тебѣ ее полатинѣ“. Оправданіе соборомъ самого исповѣданія св. Меѳодія католическіе ученые не преминули, разумѣется, объяснить тѣмъ, что онъ въ это время окончательно отрекся отъ греческой схизмы, призналъ извѣстное Filioque въ символѣ вѣры и сталъ совершеннымъ католикомъ. Но послѣдующее повѣствованіе житія святителя совершенно ясно указываетъ на его энергичную борьбу съ такъ называемой здѣсь Иопаторской ересью, т. е. ученіемъ о Filioque (Υἱῶ καὶ Πατρός); тоже показываютъ послѣдующія обвиненія его въ непризнаніи этого латинскаго ученія. Не имѣемъ ли мы бо́льшее право заключать какъ разъ наоборотъ, что не Меѳодій сдѣлался католикомъ въ нынѣшнемъ смыслѣ, а что самъ папа съ римскимъ соборомъ держался тогда еще православнаго образа мыслей, былъ еще благочестивымъ, какъ говорится въ нашихъ старинныхъ сказаніяхъ о римскомъ отпаденіи, что Filioque въ символѣ вѣры было тогда все

еще только франкскою ересью, господствовавшею больше на окраинахъ римской церкви, чѣмъ въ самомъ Римѣ? Въ то самое время, какъ въ Римѣ испытывали вѣру св. Меѳодія, на константинопольскомъ соборѣ читалось посланіе того же самаго папы Іоанна VIII, гласившее, что папа содержитъ символъ неповрежденнымъ, ничего въ немъ не прибавляя, и дерзнувшихъ сдѣлать въ ономъ по своему безумію прибавленія считаетъ извратителями божественныхъ изреченій и ученія Христа, апостоловъ и св. отецъ.... Современный намъ католицизмъ по поводу настоящихъ торжествъ пускается въ очень рискованную игру, дозволяя своимъ ревнителямъ употреблять священное имя Меѳодія въ качествѣ азартной ставки противъ православной восточно-славянской церкви, потому что при такомъ громкомъ и широкомъ оглашеніи его католическимъ святымъ въ современномъ смыслѣ, при обращеніи на эту игру столькихъ глазъ, въ числѣ которыхъ могутъ случиться глаза и незастланные разными вѣроисповѣдными туманами, долго ли попасться въ недобросовѣстной подтасовкѣ и передергиваніи? Подобныя вещи, допускаемыя, можетъ быть, и частными только лицами, могутъ ставиться, да и всегда ставятся на счетъ самой церкви, въ которой допускаются... Но возвратимся къ своему очерку дѣятельности Меѳодія.

Въ іюнѣ 880 г. онъ возвращался къ своей паствѣ съ торжествомъ, совершенно оправданный римскимъ соборомъ и съ полномочіями еще шире прежнихъ. Нѣмецкое духовенство Моравіи доселѣ не признавало его архіепископской власти, подчинялось своимъ заграничнымъ нѣмецкимъ іерархамъ, такъ что въ Моравіи было нѣчто въ родѣ двухъ параллельно существовавшихъ церквей. Новая папская булла 880 г. подчинила славянскому архіепископу уже все духовенство страны, какъ славянское, такъ и латинское. Нѣмецкіе пилатники и иопаторы должны были, кажется, ясно понять, что самъ папа не согласенъ съ ними, держитъ сторону православнаго Меѳодія, и оставить наконецъ по-

слѣдняго въ покоѣ. Но не тутъ-то было. Въ одно и то же время вмѣстѣ съ національнымъ моравскимъ архіепископомъ въ Моравію изъ Рима явился еще другой епископъ латинскій, бывшій придворный священникъ Святополка и его любимецъ, нѣмецъ Вихингъ, котораго папа посвятилъ по просьбѣ князя въ епископа нитранскаго въ то самое время какъ Меѳодій судился въ Римѣ. Папа правда и его подчинилъ Меѳодію, но при томъ положеніи вещей, какое сформировалось по милости нѣмецкихъ пристрастій Святополка, Вихингъ имѣлъ полную возможность не только не признавать этой подчиненности, но претендовать даже прямо на первенствующее положеніе въ Моравіи. Онъ и прежде былъ главною пружиною всѣхъ интригъ противъ Меѳодія, сбивая съ толку князя и подбивая его къ враждѣ съ архіепископомъ, а теперь, получивъ епископскій санъ, сдѣлался еще опаснѣе для славянской церкви. Это былъ человѣкъ честолюбивый, пронырливый, лживый, не пренебрегавшій никакими средствами для достиженія своей цѣли, а цѣлью его было совсѣмъ вытѣснить Меѳодія изъ Моравіи и сѣсть на его мѣсто. Нѣмцы особенно усилились тогда при дворѣ Святополка, который былъ совершенно увлеченъ дружбою съ Арнульфомъ каринтійскимъ, даже покумился съ нимъ, крестивъ у него сына. Арнульфъ въ это время похоронилъ своего отца Карломана баварскаго и былъ въ сильной враждѣ съ своими дядями, братьями Карломана, которые раздѣлили земли покойника между собою, не обращая никакого вниманія на его побочнаго сына. Въ союзѣ съ Святополкомъ Арнульфъ стремился самъ завладѣть этими землями и сдѣлаться королемъ баварскимъ и для этого всячески ублажалъ Святополка при содѣйствіи между прочимъ Вихинга— своей креатуры.

Прошло всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ возвращенія Меѳодія изъ Рима, какъ пошли слухи, пущенные Вихингомъ, будто бы онъ Вихингъ получилъ отъ папы порученіе наблюдать за Меѳодіемъ, явилось да-

же подложное письмо папы къ Святополку, сфабрикованное въ этомъ смыслѣ тоже Вихингомъ, и вообще вдругъ оказалось, что самое полномочное духовное лице въ Моравіи не Меѳодій, а именно Вихингъ. Меѳодій не могъ болѣе терпѣть такого поведенія подчиненнаго епископа и обо всемъ отписалъ папѣ. Въ мартѣ 881 г. изъ Рима пришло отвѣтное посланіе, въ которомъ папа успокоивалъ Меѳодія, увѣрялъ, что никакого тайнаго порученія Вихингу онъ не давалъ, и звалъ обоихъ къ себѣ въ Римъ для разбора дѣла. Но Меѳодій не поѣхалъ, отъ того вѣроятно и подлогъ Вихинга остался безнаказаннымъ. Дѣла славянской церкви и на этотъ разъ, какъ прежде, поправились безъ папскаго суда, вслѣдствіе того, что въ 882 г. Святополкъ разочаровался въ хитромъ Арнульфѣ и перемѣнилъ свою нѣмецкую политику на національную. Съ 882 до 884 г. идетъ непрерывная война его съ Арнульфомъ. Нѣмецкая партія въ Моравіи естественно обезсилѣла; самъ Вихингъ почелъ за лучшее удалиться изъ Моравіи къ своему патрону Арнульфу.

Разрывъ съ нѣмцами повелъ снова къ сближенію Моравіи съ Византіей, тѣмъ болѣе что Арнульфъ вступилъ противъ Святополка въ союзъ съ болгарами, врагами грековъ; вмѣстѣ съ тѣмъ должны были оживиться и церковныя связи Моравіи съ Греціей. Житіе Меѳодія разсказываетъ, что по приглашенію императора онъ ѣздилъ въ Константинополь и получилъ тамъ большую честь и отъ царя и отъ патріарха Фотія; при этомъ передается и другое любопытное извѣстіе, что враги восточной церкви пустили передъ этой поѣздкой его застращивающіе слухи, будто императоръ гнѣвенъ на него и хочетъ его убить,—вѣроятно боялись, какъ бы вслѣдствіе этой поѣздки Моравія не отошла отъ папы къ греческой церкви.

Въ 884 г. старецъ святитель, чувствуя ослабленіе своихъ силъ, собрался закончить великій трудъ своей жизни и привести наконецъ въ извѣстность все наслѣдіе, которое должно было достаться послѣ него сла-

вянскому міру: посадилъ двухъ поповъ скорописцевъ и „преложи вборзѣ вся книги (библейскія) исполнь, развѣ Маккавей, отъ греческаго языка въ словенескъ шестію мѣсяцъ, наченъ отъ марта мѣсяца до двоенадесяте и шести дне октября мѣсяца; скончавъ же достойную хвалу и славу Богу вздасть... и святое возношеніе тайное (т. е. литургію) съ клиросомъ своимъ взнесъ, сотвори память св. Дмитрія“, т. е. солунскаго, патрона родины св. братьевъ. „Псалтирь бо бѣ токмо и Евангеліе съ Апостоломъ и избранными службами церковными съ философомъ преложи первѣе; тогда же и Номоканонъ, рекше закону правило, и отеческія книги преложи“. Кромѣ книжнаго богатства, ставшаго краеугольнымъ камнемъ славянскаго просвѣщенія, онъ оставлялъ послѣ себя цѣлую дружину учениковъ, числомъ до 200 однихъ посвященныхъ въ свящ. степени клира, которые должны были разнести его наслѣдіе по всѣмъ славянскимъ странамъ. Главными между ними, *τȣ̃ χορȣ̃ χορυφαῖοι*, были учитель пресвитеровъ Гораздъ, родомъ моравъ, бывшій преемникомъ Меѳодія по избранію самого Меѳодія, Климентъ болгаринъ, послѣ епископъ велицкій, Наумъ тоже изъ болгаръ, Лаврентій и Ангеляръ, которыхъ славянская церковь издревлѣ прославляетъ, присовокупивъ къ нимъ самихъ Кирилла и Меѳодія, подъ именемъ св. седмичисленниковъ.

Св. Меѳодій скончался утромъ 6 апрѣля 885 г., ровно 1000 лѣтъ до нынѣшняго дня, самъ предрекши свою кончину, и былъ погребенъ въ великой моравской церкви Богоматери въ Велеградѣ, не въ томъ, замѣтимъ кстати, въ которомъ католическіе славяне совершали свое тенденціозное торжество,—растерявъ все наслѣдіе святителя Меѳодія, они потеряли даже и мѣсто его гробницы,—а въ Велеградѣ старомъ, въ часовомъ разстояніи отъ новаго, на р. Моравѣ, гдѣ стоитъ теперь небольшой посадъ Старое Мѣсто (Altstadt). Нѣмцы не дали святителю и умереть спокойно. Послѣдній годъ его жизни омраченъ былъ новымъ переметниче-

ствомъ Святополка на сторону нѣмцевъ. 29 іюня 884 г. по окончаніи войны съ Арнульфомъ онъ еще вмѣстѣ съ Меѳодіемъ участвовалъ при торжественномъ освященіи церкви св. апостоловъ Петра и Павла въ Брюнѣ, но потомъ, заключивши миръ съ Арнульфомъ, снова попалъ подъ вліяніе послѣдняго. Злой геній Меѳодія и славянъ, епископъ Вихингъ опять повелъ свою интригу и довелъ архіепископа до того, что этотъ долженъ былъ изречь противъ него свою святительскую клятву.

Какъ только скончался праведникъ, такъ нечестивые принялись истощать достояніе его. Мѣсяца черезъ 4 въ Моравіи явилось длинное посланіе новаго папы Стефана VI, безусловно осуждавшее все, что было сдѣлано для славянства св. первоучителями. Въ этомъ посланіи, адресованномъ на имя Святополка, который льстиво титулуется въ немъ королемъ, папа восхвалялъ его за ревность къ вѣрѣ и преданность папскому престолу, за то, что, не блуждая по другимъ мѣстамъ, онъ пожелалъ получить наставленія въ вѣрѣ отъ самой римской церкви, за тѣмъ излагалъ главные пункты самаго ученія этой церкви — о главенствѣ папы, объ исхожденіи св. Духа и отъ Сына, о субботнемъ постѣ, — распространялся въ похвалахъ Вихингу и осуждалъ Меѳодія. „Достопочтеннаго епископа и возлюбленнѣйшаго собрата нашего Вихинга мы нашли въ истинномъ ученіи хорошо наставленнымъ и потому отпустили его къ вамъ для управленія ввѣренною ему церковію, поелику узнали, какъ онъ преданъ тебѣ и во всемъ о тебѣ печется. Его, какъ духовнаго отца и нарочитаго своего пастыря, примите, держите и любите“. О Меѳодіѣ сказано, что онъ осуждается за лжеученіе противное римской церкви и за неправую анаѳему на Вихинга, которая должна пасть на главу того, кто ее изрекъ. Славянское богослуженіе, которое онъ совершалъ, папа запрещалъ всѣмъ „Божіею и своею апостольскою властію подъ страхомъ узъ проклятія“; а „упорныхъ и непослушныхъ, говорилось да-

лѣе, производящихъ вражду и соблазнъ, если не исправятся послѣ перваго и втораго увѣщанія, предписываемъ извергать изъ нѣдръ церкви, обуздывать нашею властію и далеко изгонять изъ вашихъ предѣловъ". Посланіе это всего лучше показываетъ, какъ несправедливо католики присвоиваютъ себѣ св. Меѳодія; какъ нарочно, оно пересчитываетъ всѣ такъ называемыя у нихъ схизматическія разности православной церкви отъ католической и во всѣхъ обвиняетъ Меѳодія, чуть не предавая его проклятію. Католическіе ученые даже засовѣстились этой папской буллы, когда она въ первый разъ была напечатана въ 1849 г. Ваттенбахомъ, и стали доказывать, что она подложная, сфабрикована тѣмъ же Вихингомъ, который уличенъ былъ въ такомъ же подлогѣ еще раньше, въ 881 году. Въ настоящее время,—съ 1880 г., подлинность ея признается уже всѣми, и самими католиками. Она вполнѣ подтвердилась вновь открытымъ оффиціальнымъ документомъ,—инструкціей того же папы Стефана отъ 887 г. епископу Доминику и двумъ пресвитерамъ, посланнымъ въ Моравію съ порученіемъ отъ папы уничтожить тамъ славянское богослуженіе и свергнуть съ каѳедры поставленнаго св. Меѳодіемъ преемника его Горазда. Впрочемъ, подлинная она или подложная, для насъ въ настоящемъ случаѣ это все равно. Самъ ли папа или за него Вихингъ обвинялъ Меѳодія въ греческой схизмѣ, это утѣшительное для насъ обвиненіе одинаково представляется намъ справедливымъ, такъ какъ посланіе адресовано было въ Моравію, къ самому князю, которому вполнѣ православная дѣятельность и ученіе Меѳодія были хорошо извѣстны и котораго обмануть въ этомъ случаѣ ложнымъ обвиненіемъ противъ Меѳодія было нельзя.— Будетъ, можетъ быть, нѣсколько смѣло,—но мы можемъ не безъ основанія предполагать, что послѣ 881 г. Меѳодій совсѣмъ прервалъ свою связь съ Римомъ и началъ завязывать новую связь своей церкви съ Византіей;—не такое ли значеніе имѣло и путешествіе

его въ Византію? и не отсюда ли всѣ громы папской буллы Стефана, столь неожиданные послѣ ласковости къ Меѳодію прежнихъ папъ?...

Послѣдовавшія затѣмъ событія совершались по буллѣ и инструкціи папы Стефана, какъ по программѣ. Гораздъ былъ устраненъ отъ преемства своему учителю; духовнымъ владыкою Моравіи сдѣлался Вихингъ; все Меѳодіевское подверглось преслѣдованію и истребленію; ученики святаго, не хотѣвшіе измѣнить его преданіямъ, подверглись жестокимъ поруганіямъ и были изгнаны изъ страны. Въ непостижимомъ ослѣпленіи Святополкъ цѣлыхъ 7 лѣтъ поддерживалъ во всемъ нѣмцевъ и только подъ конецъ жизни догадался, какъ важна была для блага его государства независимая національная церковь и какъ близко его собственная дѣятельность граничила съ прямой измѣной славяно-моравскому государству и народности. Послѣдніе три года своей жизни (892—894) онъ провелъ въ непрерывной и упорной борьбѣ съ своимъ прежнимъ коварнымъ другомъ Арнульфомъ, теперь уже владыкой всей Германіи, но было уже поздно. На помощь себѣ противъ Святополка Арнульфъ призвалъ съ востока дикую орду венгровъ и напустилъ ее на моравскія и паннонскія земли. Святополкъ успѣлъ отбить первые набѣги этой орды, но уже ясно могъ видѣть впереди близкій конецъ своей несчастной державы. Послѣ венгерскихъ набѣговъ вся страна была страшно опустошена, православные храмы лежали въ развалинахъ, Меѳодіевское духовенство разошлось въ разныя стороны и національная моравская церковь прекратила свое существованіе. Святополкъ умеръ въ 894 г., раньше окончательнаго паденія своей державы; оно совершилось при его дѣтяхъ въ 917 г. Но баварскіе епископы еще раньше спѣшили опять подчинить себѣ мораво-паннонскую паству Меѳодія. Въ 900 г. папа Іоаннъ IX получилъ отъ нихъ выразительное посланіе, въ которомъ они рѣшительно настаивали на возстановленіи своихъ прежнихъ правъ

надъ славянскими землями. Весь предшествовавшій періодъ самостоятельнаго существованія славянской церкви представляется здѣсь не болѣе, какъ временемъ церковнаго мятежа противъ законныхъ правъ нѣмецкой іерархіи, церковнаго раскола, даже языческаго отступленія славянъ отъ церкви, а Меѳодій, который даже и не признается епископомъ, является главнымъ виновникомъ этого отступничества, церковнымъ татемъ и разбойникомъ. Епископы просили папу ни въ чемъ не вѣрить безбожнымъ славянамъ и исправить апостольскою властію все, что было произведено ихъ коварствомъ и злобою. Лѣтъ черезъ 70 зальцбургскій архіепископъ владѣлъ уже всѣми этими землями, а земля чешская еще раньше подчинена архіепископу регенсбургскому.

Новое Венгерское государство, утвердившееся въ старой Панноніи, врѣзалось какъ разъ въ самый центръ славянства, гдѣ только что сталъ завязываться первый узелъ будущаго политическаго и духовнаго единенія разрозненныхъ частей славянскаго міра, и навсегда отдѣлило сѣверозападныхъ славянъ отъ южныхъ и отъ православнаго, оживотворявшаго ихъ вліянія греческой церкви. Послѣ этого и въ церковномъ, и въ культурномъ, и въ политическомъ отношеніи они необходимо должны были примкнуть къ западному міру и даже вчастности къ міру нѣмецкому, потому что непосредственная связь ихъ съ Римомъ была тоже разорвана, и самое христіанство стало переходить къ нимъ только чрезъ посредство нѣмцевъ. Христіанское стало синонимомъ нѣмецкому, а все старое, славянское стало равносильнымъ языческому; къ язычеству же нѣмцы относили обыкновенно и всѣ остатки православнаго наслѣдія св. первоучителей. Отъ того болѣе горячіе ревнители христіанства изъ самихъ славянъ дѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ такими же горячими преслѣдователями всего народнаго, славянскаго, всѣхъ какъ языческихъ, такъ одинаково и ста-

рыхъ православныхъ народныхъ обычаевъ; таковъ былъ наприм. знаменитый чехъ миссіонеръ Войцехъ.

Среди такихъ условій чехамъ и моравамъ очень трудно было сохранять память о дѣлѣ ихъ св. первоучителей, а изъ Рима старались всячески выбивать и послѣдніе остатки этой памяти. Въ самомъ Римѣ нѣкоторое время чтилась еще гробница св. Кирилла въ церкви св. Климента, но около XI в. папство совсѣмъ потеряло изъ глазъ эти драгоцѣнныя мощи. Славянское богослуженіе, любовь къ которому еще долго хранилась у чеховъ, было нѣсколько разъ положительно запрещаемо папами, какъ напр. въ 967 г. при открытіи папою Іоанномъ XIII епископской каѳедры въ Прагѣ, или въ 1080 г., когда папа Григорій VII на просьбу короля Вратислава о разрѣшеніи славянской службы прямо отвѣчалъ, что эта просьба безразсудна. Въ томъ же XI в. видимъ рядъ гоненій со стороны латинянъ противъ св. Прокопія и его Сазавскаго монастыря; подъ конецъ этого столѣтія латинскіе монахи таки овладѣли этимъ монастыремъ и спалили на кострѣ всѣ славянскія книги, которыя тамъ успѣли найти. Уже въ XIV в., чрезъ 500 лѣтъ по кончинѣ первоучителей, чествованіе ихъ въ Богеміи оживилъ славный покровитель чеховъ императоръ Карлъ IV, основавши въ Прагѣ славянскій Эммаускій монастырь и испросивши у папы дозволеніе совершать въ немъ славянское богослуженіе. Тогда же память свв. Кирилла и Меѳодія получила въ Богеміи первое въ латинской церкви церковное, хотя и мѣстное, чествованіе.

Латиняне долго старались объ уничтоженіи славянской службы и въ другомъ углу славянства, который былъ подъ ихъ вліяніемъ, между хорватами и далматинцами. Въ началѣ X в. папа Іоаннъ X въ своихъ посланіяхъ къ тамошнему духовенству и князю настойчиво требовалъ упраздненія славянской службы по восточному обряду и со всею непогрѣшимостію невѣжества увѣщевалъ не держаться ученія Меѳодія,

имени котораго онъ папа не встрѣчалъ нигдѣ между свящ. авторами, а мѣстный сплетскій или спалатрскій соборъ 925 г. постановилъ не посвящать въ св. санъ никого, кто знаетъ одинъ славянскій языкъ и не знаетъ латинскаго. Въ XI в. тамошнее латинское духовенство толковало: „Готскія буквы изобрѣтены нѣкіимъ еретикомъ Меѳодіемъ, который многое написалъ на томъ же славянскомъ языкѣ противное католической вѣрѣ, за что божественнымъ судомъ и наказанъ скоропостижною смертію“. Самъ тогдашній папа Александръ II писалъ хорватамъ: „такъ какъ изобрѣтатели славянской письменности готы аріане, то дозволить богослуженіе на славянскомъ языкѣ я, какъ и мои предшественники, не дерзаю“. Только въ XIII уже в., уступая симпатіямъ далматинцевъ, католичество разрѣшило имъ славянское богослуженіе, но, чтобы спасти ихъ отъ готско-аріанскихъ преданій еретика Меѳодія, постаралось замѣнить православную кириллицу своею католическою славянскою азбукой,—глаголитой.

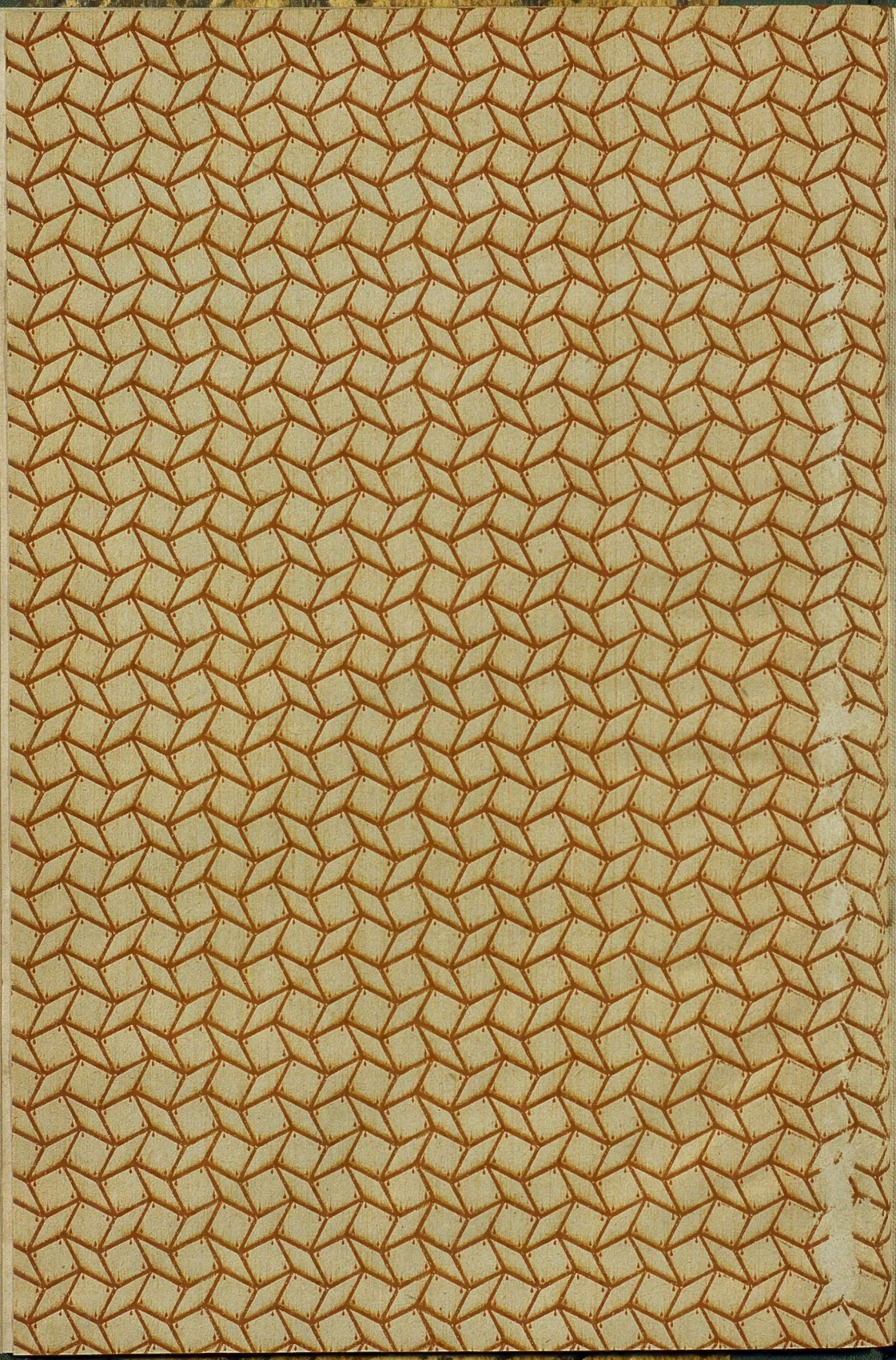
Только недавно, уже въ наши дни, католичество обратилось къ памяти св. славянскихъ первоучителей, которыхъ такъ рѣшительно причисляло прежде къ еретикамъ, и подняло шумное дѣло о включеніи ихъ въ число своихъ святыхъ, принялось писать объ нихъ газетныя статьи, книги и брошюры, строить въ честь ихъ храмы и каплицы, писать ихъ иконы, разумѣется, въ католическихъ облаченіяхъ вопреки показанію древнихъ фресокъ X—XI в., находящихся въ самомъ Римѣ передъ глазами самого святѣйшаго отца, и т. п. Видно, что, истребивъ у себя всѣ результаты и памятники ихъ подвиговъ, римская церковь уже перестала бояться тревожить ихъ свящ. память между своими славянами и рѣшилась дерзновенно вызвать ихъ св. тѣни въ разсчетѣ воспользоваться ихъ явленіемъ для своихъ цѣлей. Исторія увидитъ, что изъ этого будетъ, не будутъ ли эти

св. тѣни тѣмъ же для латинства, чѣмъ была вызванная изъ-за гроба тѣнь пророка Божія для царя Саула.

Наслѣдіе св. первоучителей нашихъ досталось однимъ только славянамъ православнымъ и не болѣе ли всѣхъ намъ, славянамъ русскимъ? Возобновляя въ памяти своей ихъ великіе труды въ этотъ торжественный день тысящелѣтней памяти первенца всѣхъ іерарховъ нашей православной славянской церкви, великаго страдальца за славянское православіе и просвѣщеніе, помыслимъ отъ всей души и о томъ, какъ намъ слѣдуетъ пользоваться богатымъ наслѣдіемъ ихъ ученія и примѣра, которое не устарѣло и въ 1000 лѣтъ, какъ не старѣетъ само православіе нашей церкви, какъ не устарѣла еще и самая наша славянская народность. Будемъ вѣрны и той и другой, не увлекаясь соблазнами ученій и примѣровъ чуждой намъ нѣмецко-романской цивилизаціи; постараемся воспитывать въ томъ же народно-православномъ духѣ наше молодое поколѣніе въ нашихъ школахъ, изъ которыхъ мы недавно совсѣмъ было изгнали нашу свящ. церковную кириллицу и для развитія которыхъ теперь настало такое благопріятное время; позаботимся наконецъ, соблюдая твердо указанные принципы просвѣтительной миссіи первоучителей, и о нашихъ меньшихъ братіяхъ, многочисленныхъ, еще во тьмѣ пребывающихъ, инородцахъ, которыхъ такъ много въ нашемъ казанскомъ краѣ и еще больше далѣе его, —и да помогутъ намъ во всемъ этомъ молитвы св. отецъ нашихъ Кирилла и Меѳодія.

П. Знаменскій.

Государственная
Библиотека
СССР
№ 1963

Отдѣльный оттискъ изъ апрѣльской книжки „Правосл. Собесѣдн.“ 1885 г.

Казань. Въ Университетской типографіи. 1885.